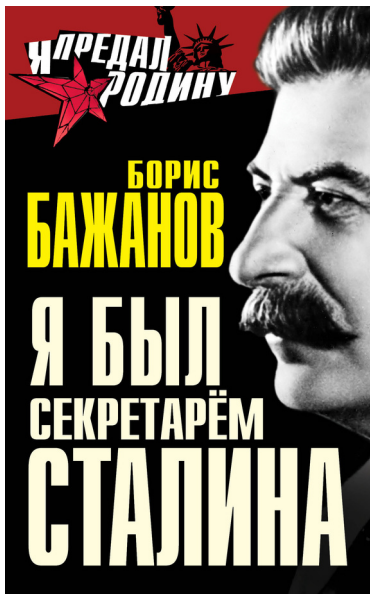

Борис Георгиевич Бажанов
Я был секретарем Сталина
Серия «Я предал Родину»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140094
Я был секретарем Сталина: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0621-1

Аннотация

«... Мои воспоминания относятся, главным образом, к тому периоду, когда я был помощником Генерального секретаря ЦК ВКП (Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии) Сталина и секретарём Политбюро ЦК ВКП. Я был назначен на эти должности 9 августа 1923 года. Став антикоммунистом, я бежал из Советской России 1 января 1928 года через персидскую границу».

С 1923 по 1928 год Борис Бажанов являлся личным секретарем Сталина, имел доступ к самым секретным документам ЦК ВКП(б). После побега из Советского Союза он опубликовал во Франции эти воспоминания, ярко характеризующие личность Сталина, его методы достижения власти и политические интриги в Кремле.

Содержание

Предисловие автора	4
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Борис Георгиевич Бажанов

Я был секретарем Сталина

Предисловие автора

Мои воспоминания относятся, главным образом, к тому периоду, когда я был помощником Генерального секретаря ЦК ВКП (Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии) Сталина и секретарем Политбюро ЦК ВКП. Я был назначен на эти должности 9 августа 1923 года. Став антикоммунистом, я бежал из советской России 1 января 1928 года через персидскую границу. Во Франции в 1929 и 1930 годах я опубликовал некоторые из моих наблюдений в форме газетных статей и книги. Их главный интерес заключался в описании настоящего механизма коммунистической власти – в то время на Западе очень мало известного, некоторых носителей этой власти и некоторых исторических событий этой эпохи. В моих описаниях я всегда старался быть скрупулезно точным, описывал только то, что я видел или знал с безусловной точностью. Власти Кремля никогда не сделали ни малейшей попытки оспорить то, что я писал (да и не могли бы это сделать), и предпочли избрать тактику полного замалчивания – мое имя не должно было нигде упоминаться. Самым усердным читателем моих статей был Сталин: позднейшие перебежчики из советского полпредства во Франции показали, что Сталин требовал, чтобы всякая моя новая статья ему немедленно посылалась аэропланом.

Между тем, будучи совершенно точным в моих описаниях фактов и событий, я, по соглашению с моими друзьями, оставшимися в России, и в целях их лучшей безопасности, должен был изменить одну деталь, касавшуюся меня лично: дату, когда я стал антикоммунистом. Это не играло никакой роли в моих описаниях – они не менялись от того, стал ли я противником коммунизма на два года раньше или позже. Но, как оказалось, меня лично это поставило в положение очень для меня неприятное (в одной из последних глав книги, когда я буду описывать подготовку моего бегства за границу, я объясню, как и почему мои друзья просили меня это сделать). Кроме того, о многих фактах и людях я не мог писать – они были живы. Например, я не мог рассказать, что говорила мне личная секретарша Ленина, по очень важному вопросу – это ей могло очень дорого стоить. Теперь, когда прошло уже около полувека, и большинства людей этой эпохи уже нет в живых, можно писать почти обо всем, не рискуя никого подвести под сталинскую пулю в затылок.

Кроме того, описывая сейчас те исторические события, свидетелем которых я был, я могу рассказать читателю о тех выводах и заключениях, которые вытекали из их непосредственного наблюдения. Надеюсь, что это поможет читателю лучше разобраться в сути этих событий и во всем этом отрезке эпохи коммунистической революции.

Глава 1

Вступление в партию

Гимназия. Университет. Расстрел демонстрации. Вступление в партию. Ямполь и Могилев. Москва. Высшее техническое училище. Дискуссия о профсоюзах. Кроштадтское восстание. Нэп. Учение

Я родился в 1900 году в городе Могилеве-Подольском на Украине. Когда пришла февральская революция 1917 года, я был учеником 7-го класса гимназии. Весну и лето 1917 года город переживал все события революции и прежде всего постепенное разложение старого строя жизни. С октябрьской революцией это разложение ускорилося. Распался фронт, отделилась Украина. Украинские националисты оспаривали у большевиков власть на Украине. Но в начале 1918 года немецкие войска оккупировали Украину, и при их поддержке восстановился некоторый порядок, и установилась довольно странная власть гетмана Скоропадского, формально украинско-националистическая, на деле – неопределенно консервативная.

Жизнь вернулась в некоторое более нормальное русло, занятия в гимназии снова шли хорошо, и летом 1918 года я окончил гимназию, а в сентябре отправился продолжать учение в Киевский университет на физико-математический факультет. Увы, учение в университете продолжалось недолго. К ноябрю определилось поражение Германии, и германские войска начали оставлять Украину. В университете забурлила революционная деятельность – митинги, речи. Власти закрыли университет. Я в это время никакой политикой не занимался – в мои 18 лет я считал, что я недостаточно разобрался в основных вопросах жизни общества. Но, как и большинство студентов, я был очень недоволен перерывом учения – я приехал в Киев из далекой провинции учиться.

Поэтому, когда была объявлена студенческая демонстрация на улице против здания университета в знак протеста против его закрытия, я отправился на эту демонстрацию.

Тут я получил очень важный урок. Прибывший на грузовиках отряд «державной варты» (государственной полиции), спешился, выстроился и без малейшего предупреждения открыл по демонстрации стрельбу. Надо сказать, что при виде винтовок толпа бросилась врассыпную. Против винтовок осталось три-четыре десятка человек, которые считали ниже своего достоинства бежать, как зайцы, при одном виде полиции. Эти оставшиеся были или убиты (человек двадцать), или ранены (тоже человек двадцать). Я был в числе раненых. Пуля попала в челюсть, но скользнула по ней, и я отделался двумя-тремя неделями госпиталя.

Учение прекратилось, возобновилась борьба между большевиками и украинскими националистами, а я вернулся в родной город выздоравливать и размышлять о ходе событий, в которых я против воли начал принимать участие. До лета 1919 года я много читал, старался разобраться в марксизме и революционных учениях и программах.

В 1919 году развернулась Гражданская война и наступление на Москву белых армий от окраин к центру. Но наш подольский угол лежал в стороне от этой кампании, и власть у нас оспаривалась только петлюровцами и большевиками. Летом 1919 года я решил вступить в коммунистическую партию.

Для нас, учащейся молодежи, коммунизм представлялся в это время необычайно интересной попыткой создания нового, социалистического общества. Если я хотел принять участие в политической жизни, то здесь, в моей провинциальной действительности, у меня был только выбор между украинским национализмом и коммунизмом. Украинский национализм меня ничуть не привлекал – он был связан для меня с каким-то уходом назад с высот русской культуры, в которой я был воспитан. Я отнюдь не был восхищен и практикой комму-

низма, как она выглядела в окружающей меня жизни, но я себе говорил (и не я один), что нельзя многого требовать от этих малокультурных и примитивных большевиков из неграмотных рабочих и крестьян, которые понимали и претворяли в жизнь лозунги коммунизма по-дикому; и что как раз люди более образованные и разбирающиеся должны исправлять эти ошибки и строить новое общество так, чтобы это гораздо более соответствовало идеям вождей, которые где-то далеко, в далеких центрах, конечно, действуют, желая народу блага.

Пуля, которую я получил в Киеве, не очень подействовала на мое политическое сознание. Но вопрос о войне сыграл для меня немалую роль.

Все последние годы моей юности я был поражен картиной многолетней бессмысленной бойни, которую представляла первая мировая война. Несмотря на мою молодость, я ясно понимал, что никакой из воюющих стран война не могла принести ничего, что могло бы идти в сравнение с миллионами жертв и колоссальными разрушениями. Я понимал, что истребительная техника достигла такого предела, что старый способ решения войной споров между великими державами теряет всякий смысл. И если руководители этих держав вдохновляются старой политикой национализма, которая была допустима век тому назад, когда от Парижа до Москвы было два месяца пути и страны могли жить независимо друг от друга, то теперь, когда жизнь всех стран связана (а от Парижа до Москвы два дня езды), эти руководители государств – банкроты и несут большую долю ответственности за идущие за войнами революции, ломающие старый строй жизни. Я в это время принимал за чистую монету Циммервальдские и Кинтальские протесты интернационалистов против войны – только много позже я понял, в каком восторге были ленины от войны – лишь она могла принести им революцию.

Вступив в местную организацию партии, я скоро был избран секретарем уездной организации. Характерно, что мне сразу же пришлось вступить в борьбу с чекистами, присланными из губернского центра для организации местной чеки. Эта уездная чека реквизировала дом нотариуса Афеньева (богатого и безобидного старика) и расстреляла его хозяина. Я потребовал от партийной организации немедленного закрытия чеки и высылки чекистов в Винницу (губернский центр). Организация колебалась. Но я быстро ее убедил. Город был еврейский, большинство членов партии были евреи. Власть менялась каждые два-три месяца. Я спросил у организации, понимает ли она, что за бессмысленные расстрелы чекистских садистов отвечать будет еврейское население, которому при очередной смене власти грозит погром. Организация поняла и поддержала меня. Чека была закрыта.

Советская власть продержалась недолго. Пришли петлюровцы. Некоторое время я был в Жмеринке и Виннице, где в январе 1920 года я неожиданно был назначен заведующим губернским отделом народного образования. Эту мою карьеру прервал возвратный тиф, а затем известие о смерти от сыпного тифа моих родителей. Я поспешил в родной город. Там еще были петлюровцы. Но они меня не тронули – местное население поручилось, что я – «идейный коммунист», никому ничего кроме добра не делавший и, наоборот, спасший город от чекистского террора.

Скоро власть снова сменилась – пришли большевики. Затем опять большевики отступили. Началась советско-польская война. Но к лету 1920 года был снова занят уездный город Ямполь, и я был назначен членом и секретарем Ямпольского ревкома. Едва ли когда-нибудь Ямполь после революции видел власть более мирную и доброжелательную. Председатель ревкома, Андреев, и оба члена ревкома – Трофимов и я – были люди мирные и добрые. По крайней мере, это должна была думать вдова чиновника, в доме которой мы все трое жили, и, обедая за одним с ней столом, питались впроголодь (к большому ее удивлению), несмотря на всю нашу власть.

Через месяц был занят Могилев; я был переведен туда и снова избран секретарем уездного комитета партии.

В октябре советско-польская война кончилась, в ноябре был занят Крым; Гражданская война завершилась победой большевиков. Я решил ехать в Москву продолжать учение.

В ноябре 1920 года я приехал в Москву и был принят в Московское высшее техническое училище.

В Высшем техническом была, конечно, местная партийная ячейка. Жила она очень слабой партийной жизнью. Партия считала, что в стране огромный недостаток верных технических специалистов, и наше дело – партийных студентов – прежде всего учиться. Что мы и делали.

Тем не менее, в центре я уже коснулся несколько ближе жизни партии. Теперь, после окончания Гражданской войны, страна начала переходить к мирному строительству. Коммунистические методы управления страной за три года, протекавшие от начала большевистской революции, казались определившимися, но между тем они были подвергнуты ожесточенным спорам в партийной верхушке во время знаменитой дискуссии о профсоюзах, которая происходила как раз в конце 1920 года. Для нас всех, рядовых членов партии, дело выглядело так, что идет спор о методах руководства хозяйством, вернее, промышленностью. Казалось, есть точка зрения части партии во главе с Троцким, считавшей, что вначале армия должна быть превращена в армию трудовую и должна восстанавливать хозяйство на началах жестокой военной дисциплины; часть партии (Шляпников и рабочая оппозиция) считала, что управление хозяйством должно быть передано профсоюзам; наконец, Ленин и его группа были и против трудовых армий, и против профсоюзного управления хозяйством, и полагала, что руководить хозяйством должны хозяйственные советские органы, покидая военные методы. Победила точка зрения Ленина, хотя и не без труда.

Только через несколько лет, уже будучи секретарем Политбюро, разбираясь в старых архивных материалах Политбюро, я понял, что дискуссия была надуманной. По существу это была борьба Ленина за большинство в Центральном комитете партии – Ленин опасался в этот момент чрезмерного влияния Троцкого, старался его ослабить и несколько отдалить от власти. Вопрос о профсоюзах, довольно второстепенный, был раздут искусственно. Троцкий почувствовал деланность всей этой ленинской махинации, и почти на два года отношения между ним и Лениным сильно охладелись. В дальнейшей борьбе за власть этот эпизод и его последствия сыграли большую роль.

В марте 1921 года, в то время, когда происходил съезд партии, все члены ячейки Высшего технического училища были срочно вызваны в районный комитет партии. Нам объявили, что мы мобилизованы, нам роздали винтовки и патроны, нас распределили по заводам, которые были большей частью закрыты; мы должны были нести на них вооруженную охрану, чтобы предотвратить возможные рабочие выступления против власти. Это были дни Кронштадтского восстания.

Около двух недель мы втроем несли охрану на закрытом заводе. Со мной был мой друг, коммунист Юрка Акимов, студент, как и я, и русский немец с голубыми глазами Ганс Лемберг. Через несколько лет, когда я буду секретарем Политбюро, я его выдвину на пост секретаря Спортинтерна. Он окажется интриганом самой низкой марки. Юрку Акимова я через два-три года потеряю из виду. Из Советской энциклопедии я недавно узнал, что он – заслуженный профессор металлургии.

На съезде партии, в марте, Ленин сделал доклад о замене хлебной разверстки продналогом. Во всей официальной советской исторической литературе этот момент изображается как введение нэпа. Это не совсем верно. Ленин пришел к идее о нэпе не так быстро. Во время Гражданской войны и летом 1920 года у крестьян хлеб брали силой. Власти рассчитывали приблизительно, сколько в каком районе у крестьян должно быть хлеба, цифры намеченного изъятия разверстывались по районам и дворам, и затем хлеб и продукты брали силой (продотрядами) в порядке самого грубого произвола, чтобы кое-как прокормить армию и

города. Это была разверстка. При этом крестьяне не получали в обмен почти никаких промышленных продуктов – их практически не было. Летом 1920 года вспыхнули крестьянские восстания; самое известное, Антоновское (в Тамбовской губернии), продолжалось до лета 1921 года. Кроме того, произошло значительное уменьшение посевов – крестьянин не хотел производить лишнего хлеба, который у него все равно отобрали бы. Ленин понял, что дело идет к катастрофе, и надо от догматического коммунизма вернуться к реальной жизни, восстановив для крестьянина некоторый смысл в его хозяйственной работе. Разверстка была заменена продналогом – то есть крестьянин был обязан сдать определенное количество продуктов, которые представляли налог, а остатками мог распоряжаться.

Кронштадтское восстание толкнуло мысль Ленина дальше – в стране царили голод, общее недовольство и отсутствие промышленных продуктов. Восстановить не только сельское хозяйство, но и хозяйство вообще можно было, лишь дав населению хозяйственный стимул, – то есть вернуться от коммунистической фантастики к нормальному меновому хозяйству. Это Ленин и предложил в конце мая на 10-й Всероссийской партийной конференции, но довел до конца формулировку нэпа лишь в конце октября на Московской губернской партийной конференции (я дальше расскажу, что говорили мне его секретарши уже после его смерти о сокровенных мыслях Ленина этого периода).

Я продолжал учиться. Меня избрали секретарем партийной ячейки. Это мне не очень мешало – партийная жизнь в Высшем техническом была намеренно малоактивна.

Но весь 1921 год в стране царил голод. Никакого рынка не было. Надо было жить исключительно на паек. Он состоял из фунта (400 граммов) хлеба в день (типа замазки, составленной бог знает из каких остатков и отбросов) и четырех ржавых селедок в месяц. В столовой училища давали еще раз в день немножко пшенной каши на воде без малейших следов жира и почему-то без соли. На таком режиме очень долго продержаться было нельзя. К счастью, подошло лето, и можно было поехать на летнюю практику на завод. Я с тремя товарищами выбрал практику на сахарном заводе (мы учились на химическом факультете) в моем родном Могилевском уезде. Там мы подкормились: паек выдавался сахаром, а сахар можно было обменивать на любую еду.

Осенью я вернулся в Москву и продолжал учение. Увы, на моем голодном режиме к январю я снова чрезвычайно отощал и ослабел. В конце января 1922 года я решил снова уехать на Украину.

В лаборатории количественного анализа моим соседом был молодой симпатичный студент Саша Володарский. Он был братом Володарского; питерского комиссара по делам печати, которого убил летом 1918 года рабочий Сергеев. Саша Володарский был очень милый и скромный юноша. Когда, услышав его фамилию, его спрашивали: «Скажите, вы родственник того известного Володарского?» – он отвечал: «Нет, нет, однофамилец».

Я спросил его мнение, кого бы предложить на мое место в секретари ячейки. Почему? Я объяснил: хочу уехать, не могу дальше голодать.

– А почему вы не делаете как я? – спросил Володарский.

– Как?

– А я полдня учусь, полдня работаю в ЦК партии. Там есть виды работы, которую можно брать на дом. Кстати, аппарат ЦК сейчас сильно расширяется, там нужда в грамотных работниках. Попробуйте.

Я попробовал. То, что я был в прошлом секретарем укома партии и сейчас секретарем ячейки в Высшем техническом, оказалось серьезным аргументом, и управляющий делами ЦК Ксенофонов (кстати, бывший член коллегии ВЧК), производивший первый отбор, направил меня в орготдел ЦК, где я и был принят.

Глава 2

В орготделе. устав партии

Орготдел ЦК. Учет местного опыта. Статья Кагановича. Съезд партии. Доклад Ленина. Проект нового устава партии. Каганович, Молотов, Сталин. Мой устав принят. Лоскутка, Володарские, Маленков. Тихомирнов. Лазарь Каганович. «Мы, товарищи, пятидесятилетние...» Михайлов. Молотов. Циркулярная комиссия. Справочник партийного работника. Известия ЦК

В это время происходило чрезвычайное расширение и укрепление аппарата партии. Едва ли не самым важным отделом ЦК был в это время организационно-инструкторский отдел, куда я и попал (скоро он был соединен с учраспредом в орграспред – организационно-распределительный отдел). Наряду с основными подотделами (организационный, информационный) был создан маловажный подотдел – учета местного опыта. Функции у него были самые неясные. Я был назначен рядовым сотрудником этого подотдела. Он состоял из заведующего – старого партийца Растопчина – и пяти рядовых сотрудников. Растопчин и трое из пяти его подчиненных смотрели на свою работу как на временную синекуру. Сам Растопчин показывался раз в неделю на несколько минут. Когда у него спрашивали, что, собственно, нужно делать, он улыбался и говорил: «Проявляйте инициативу». Трое из пяти проявляли ее в том смысле, чтобы найти себе работу, которая бы их более устраивала; и в этом они, правда, скоро успели. Райтер после ряда сложных интриг стал ответственным инструктором ЦК, а затем секретарем какого-то губкома. Кицис терпеливо выжидал назначения Райтера, и, когда оно произошло, уехал с ним. Зорге (не тот, не японский) хотел работать за границей по линии Коминтерна. Пытался работать только один Николай Богомолов, орехово-зுவский рабочий, очень симпатичный и толковый человек. В дальнейшем он стал помощником заведующего орграспредом по подбору партийных работников, затем заместителем заведующего орграспредом, а затем почему-то торгпредом в Лондоне. В чистку 1937 года он исчез; вероятно, погиб.

Я первое время почти ничего не делал, присматривался и продолжал учение. После тяжелого 1921 года мои житейские условия резко улучшились. Весь 1921 год в Москве я не только голодал, но и жил в тяжелой жилищной обстановке. По ордеру районного совета нам (мне и моему другу Юрке Акимову) была отведена реквизированная у «буржуев» комната. В ней не было ни отопления и ни малейшего намека на какую-либо мебель (вся мебель состояла из миски для умывания и кувшина с водой, стоявших на подоконнике). Зимой температура в комнате падала до 5 градусов ниже нуля, и вода в кувшине превращалась в лед. К счастью, пол был деревянный, и мы с Акимовым, завернувшись в тулупы и прижавшись друг к другу для теплоты, спали в углу на полу, положив под головы книги вместо несуществующих подушек.

Теперь положение изменилось. Сотрудники ЦК жили в иных условиях. Мне была отведена комната в 5-м Доме Советов – бывшей «Лоскутной гостинице» (Тверская, 5), которую все обычно называли 5-м домом ЦК, так как жили в ней исключительно служащие ЦК партии. Правда, только рядовые, так как очень ответственные жили или в Кремле, или в 1-м Доме Советов (угол Тверской и Моховой).

Хотя я и работал мало, скоро мне пришлось столкнуться с заведующим орготделом Кагановичем.

Под его председательством произошло какое-то инструктивное совещание по вопросам «советского строительства». Меня посадили секретарствовать на этом совещании (так просто, попал под руку). Каганович произнес чрезвычайно толковую и умную речь. Я ее, конечно, не записывал, а сделал только протокол совещания.

Через несколько дней редакция журнала «Советское строительство» попросила у Кагановича руководящую статью для журнала. Каганович ответил, что ему некогда. Это была неправда. Дело было в том, что человек чрезвычайно способный и живой, Каганович был крайне малограмотен. Сапожник по профессии, никогда не получивший никакого образования, он писал с грубыми грамматическими ошибками, а писать литературно просто не умел. Так как я секретарствовал на совещании, редакция обратилась ко мне. Я сказал, что попробую.

Вспомнив, что говорил Каганович, я изложил это в форме статьи. Но так как было ясно, что все мысли в ней не мои, а Кагановича, я пошел к нему и сказал: «Товарищ Каганович, вот ваша статья о советском строительстве – я записал то, что вы сказали на совещании». Каганович прочел и был в восхищении: «Действительно, это все, что я говорил; но как это хорошо изложено». Я ответил, что изложение – дело совершенно второстепенное, а мысли его, и ему надо только подписать статью и послать в журнал. По неопытности Каганович стеснялся: «Это ведь вы написали, а не я». Я его не без труда уверил, что я просто написал за него, чтобы выиграть ему время. Статья была напечатана. Надо было видеть, как Каганович был горд, – это была «его» первая статья. Он ее всем показывал.

У этого происшествия были последствия. В конце марта – начале апреля происходил очередной съезд партии. Я, как и многие другие молодые сотрудники орготдела, был направлен для технической работы в помощь секретариату съезда. При съезде образуется ряд комиссий – мандатная, редакционная и т. д. Их образуют старые партийные бороды – члены ЦК и видные работники с мест, но работу выполняют молодые сотрудники аппарата ЦК. В частности, в редакционной комиссии, куда меня послали, работа идет так. Оратор выступает на съезде. Стенографистка записывает его речь и, расшифровывая стенограмму, диктует машинистке. Этот первый текст полон ошибок и искажений – стенографистка многое не поняла, многое не расслышала, кое-что не успела записать. Но к каждому оратору прикомандирован сотрудник редакционной комиссии, который обязан внимательно прослушать речь. Он и производит первую правку, приводя текст в почти окончательный вид. Потом оратору остается сделать только незначительные добавочные исправления, и таким образом его время чрезвычайно бережется.

На съезде политический отчет ЦК делал (последний раз) Ленин. Встал вопрос: кому из сотрудников поручить эту работу – слушать и править. Каганович сказал: «Товарищу Бажанову; он это сделает превосходно». Так и было решено.

Трибуна съезда возвышалась метра на полтора над полом зала. На трибуне президиум съезда. Справа (если стоять лицом к залу) у края трибуны пюпитр, за которым стоит оратор; на пюпитре его подсобные бумажки – в ранней советской практике доклады никогда не писались заранее; они импровизировались; самое большее, докладчик имел на бумажке краткий план и некоторые цифры и цитаты. Перед пюпитром спускается в зал лестничка: по ней поднимаются на трибуну и спускаются в зал ораторы. Так как во время доклада Ленина никто не должен подниматься на трибуну, я сел сверху лестницы в метре от Ленина – так я был уверен, что все буду хорошо слышать.

Во время ленинского доклада придворный фотограф (кажется, Оцуп) делает снимки. Ленин терпеть не может, чтобы его снимали для кино во время выступлений – это ему мешает и нарушает нить мыслей. Он едва соглашается на две неизбежные официальные фотографии. Фотограф снимает его слева – тогда в глубине в некотором тумане виден прези-

диум; потом снимает справа – виден только Ленин и за ним – угол зала. Но на обоих снимках перед Лениным – я.

Эти фото часто печатались в газетах: «Владимир Ильич выступает последний раз на съезде партии», «Одно из последних публичных выступлений т. Ленина». До 1928 года я фигурировал всегда вместе с Лениным. В 1928 году я бежал за границу. Добравшись до Парижа, я начал читать советские газеты. Скоро я увидел не то в «Правде», не то в «Известиях» знакомую фотографию: Владимир Ильич делает последний политический доклад на съезде партии. Но меня на фотографии не было. Видимо, Сталин распорядился, чтобы я из фотографии исчез.

Этой весной 1922 года я постепенно втягивался в работу, но больше изучал. Наблюдательный пункт был очень хорош, и я быстро ориентировался в основных процессах жизни страны и партии. Некоторые детали иногда говорили больше долгих изучений. Например, я мало что могу вспомнить об этом XI съезде партии (1922 года), на котором я присутствовал, но ясно помню выступление Томского, члена Политбюро и руководителя профсоюзов. Он говорил: «Нас упрекают за границей, что у нас режим одной партии. Это неверно. У нас много партий. Но в отличие от заграницы у нас одна партия у власти, а остальные в тюрьме». Зал ответил бурными аплодисментами.

Вспомнил ли об этом выступлении Томский четырнадцать лет спустя, когда перед ним открылись двери сталинской тюрьмы? Во всяком случае, он застрелился, не желая переступить ее порог.

Справедливость требует отметить, что в тот момент я еще питал доверие к своим вождям: остальные партии в тюрьме; значит, так и надо и так лучше.

В апреле-мае этого года я отдал себе отчет в том, как происходит эволюция власти. Было очевидно, что власть все больше сосредоточивается в руках партии, и чем дальше, тем больше в аппарате партии. Между тем мне бросилось в глаза одно важное обстоятельство. Организационные формы работы партии и ее аппарата, которые определяли эффективность работы, были сформулированы в виде ее устава. Но устав партии в основном имел тот вид, в каком он был принят в 1903 году. Он был немного изменен на VI съезде партии летом 1917 года. VIII партийная конференция 1919 года внесла тоже некоторые робкие изменения, но в общем устав, годный для подполья дореволюционного времени, совершенно не подходил для партии, находящейся у власти, и чрезвычайно стеснял ее работу, не давая ясных и точных нужных форм.

Я взялся за работу и составил проект нового устава партии. Переделал я его очень сильно. Проверив все, я напечатал на машинке два параллельных текста: налево – старый, направо – новый, подчеркнув все измененные места старого и новые места моего текста.

С этим документом я явился к Кагановичу. Его секретарь Балашов заявил мне, что товарищ Каганович очень занят и никого не принимает. Я настаивал:

- А ты все-таки доложи. Скажи, что я по очень важному делу.
 - Ну, какое у тебя может быть важное дело, – урезонивал меня Балашов.
 - А ты все-таки доложи. Не уйду, пока не доложишь.
- Балашов доложил. Каганович меня принял.
- Товарищ Бажанов. Я очень занят. Три минуты – в чем дело?
 - Дело в том, товарищ Каганович, что я вам принес проект нового устава партии. Каганович был искренне поражен моей дерзостью.
 - Сколько вам лет, товарищ Бажанов?
 - Двадцать два.
 - А сколько лет вы в партии?
 - Три года.

– А известно ли вам, что в 1903 году наша партия разделилась на большевиков и меньшевиков только по вопросу о редакции первого пункта устава?

– Известно.

– И все ж таки вы осмеливаетесь предложить новый устав партии?

– Осмеливаюсь.

– По каким причинам?

– Очень простым. Устав крайне устарел, годился для партии в условиях подполья, никак не отвечает жизни партии, которая у власти, и не дает ей необходимых форм для ее работы и эволюции.

– Ну, покажите.

Каганович прочел первый и второй пункты в старой редакции и новой, подумал.

– Это вы сами написали?

– Сам.

Потребовал объяснений. Объяснения я дал. Через несколько минут просунувшаяся в дверь голова Балашова напомнила, что есть люди, которым обещан прием, и пришло время для какого-то важного заседания. Каганович его прогнал:

– Очень занят. Никого не принимаю. Заседание перенести на завтра.

Около двух часов читал, смаковал и обдумывал Каганович мой устав, требуя объяснений и оправданий моим формулировкам. Когда все было кончено, Каганович вздохнул и заявил:

– Ну, заварили вы кашу, товарищ Бажанов.

После чего он взял трубку и спросил у Молотова, может ли он его видеть по важному делу (Молотов был в это время вторым секретарем ЦК).

– Если ненадолго, приходите.

– Пойдем, товарищ Бажанов.

– Вот, – заявил, входя к Молотову, Каганович. – Вот этот юноша предлагает не более, не менее, как новый устав партии.

Молотов был тоже потрясен.

– А знает ли он, что в 1903 году...

– Да, знает.

– И тем не менее?...

– И тем не менее.

– И вы этот проект читали, товарищ Каганович?

– Читал.

– И как вы его находите?

– Нахожу превосходным.

– Ну, покажите.

С Молотовым произошло то же самое. В течение двух часов проект устава разбирался по пунктам, я давал объяснение, Молотов любопытствовал:

– Это вы сами написали?

– Сам.

– Ничего не поделаешь, – сказал Молотов, когда дошли до конца проекта. – Пойдем к Сталину.

Сталину я тоже был представлен как юный безумец, который осмеливается тронуть достопочтимую и неприкосновенную святыню. После тех же ритуальных вопросов – сколько мне лет, знаю ли я, что в 1903 году, и после формулировки причин, по которым я полагаю, что устав надо переделать, опять приступили к чтению и обсуждению проекта. Рано или поздно пришел вопрос Сталина: «И это вы сами написали?» Но в этот раз за ним последовал и другой: «Представляете ли вы себе, какую эволюцию работы партии и ее жизни

определяет ваш текст?» – и мой ответ, что очень хорошо представляю и формулирую эту эволюцию так-то и так-то. Дело было в том, что мой устав был важным орудием для партийного аппарата в деле завоевания им власти. Сталин это понимал. Я тоже.

Конец был своеобразным. Сталин подошел к вертушке. «Владимир Ильич? Сталин. Владимир Ильич, МЫ ЗДЕСЬ В ЦК пришли к убеждению, что устав партии устарел и не отвечает новым условиям работы партии. Старый – партия в подполье, теперь партия у власти и т. д.» Владимир Ильич, видимо, по телефону соглашается. «Так вот, – говорит Сталин, – думая об этом, МЫ разработали проект нового устава партии, который и хотим предложить». Ленин соглашается и говорит, что надо внести этот вопрос на ближайшее заседание Политбюро.

Политбюро в принципе согласилось и передало вопрос на предварительную разработку в оргбюро. 19 мая 1922 года оргбюро выделило «Комиссию по пересмотру устава». Молотов был председателем, в нее входили и Каганович и его заместители Лисицын и Охлопков, и я в качестве секретаря.

С этого времени на год я вошел в орбиту Молотова.

С уставом пришлось возиться месяца два. Проект был разослан в местные организации с запросом их мнений, а в начале августа была созвана Всероссийская партийная конференция для принятия нового устава. Конференция длилась три-четыре дня. Молотов докладывал проект, делегаты высказывались. В конце концов была избрана окончательная редакционная комиссия под председательством того же Молотова, в которую вошли и Каганович и некоторые руководители местных организаций, как, например, Микоян (он был в это время секретарем Юго-восточного бюро ЦК), и я как член и секретарь комиссии. Отредактировали, и конференция новый устав окончательно утвердила (впрочем, формально его еще после этого утвердил и ЦК).

Весь 1922 год я прожил в том же 5-м Доме ЦК – Лоскутке. Сотрудники ЦК, жившие в нем, группировались по личным знакомствам и работе в кружки. Войдя в эту среду через студента МВТУ Сашу Володарского, я примкнул к кружку, который группировался не столько вокруг четы Володарских, сколько вокруг трех закадычных подруг – Леры Голубцовой, Маруси Игнатьевой и Лиды Володарской. Лера и Маруся были, как и Саша Володарский, «информаторами» в информационном подотделе орготдела, Лида была секретарем этого подотдела. «Информаторы» были, строго говоря, вовсе не информаторами, а референтами по одной-двум губернским партийным организациям. Информатор получал все материалы о жизни этих организаций, составлял сводки и периодические доклады для начальства орготдела о всем важном, что в этих организациях происходило. Володарский и его жена были очень общительны. У них бывал Пильняк, и этим знакомством они очень гордились. К моему глубокому удивлению я узнал, что скромный и тихий Саша был во время Гражданской войны секретарем у кровавой Землячки (Розалии Самойловны), когда она, будучи в партийном руководстве 8-й армии, славилась расстрелами и всякими жестокостями.

К нашему кружку кроме меня принадлежали еще Георгий Маленков и Герман Тихомиров.

Георгий Маленков был мужем Леры (Валерии) Голубцовой. Он был года на два моложе меня, но старался придавать себе вид старого партийца. На самом деле он был в партии всего второй год (и лет ему было всего двадцать). Во время Гражданской войны он побывал маленьким политработником на фронте, а затем, как и я, пошел учиться в Высшее техническое училище. Не имея среднего образования, он вынужден был начать с подготовительного «рабочего» факультета. В Высшем техническом он пробыл года три. Затем умная жена, которой он, в сущности, и обязан был своей карьерой, втянула его в аппарат ЦК и толкнула его по той же линии, по которой прошел и я, – он стал сначала секретарем оргбюро, потом после моего ухода – секретарем Политбюро.

Жена его, Лера, была намного умнее своего мужа. Сам Георгий Маленков производил впечатление человека очень среднего, без каких-либо талантов. Вид у него всегда был важный и надутый. Правда, он был все же очень молод в это время.

Герман Тихомирнов был на год старше меня. Он был вторым помощником Молотова. Произошло это вот почему. Когда Молотов был еще пятнадцатилетним гимназистом в Казани, во время первой полуреволюции 1905 года, он со своим одноклассником Виктором Тихомирновым (кстати сказать, сыном очень богатых родителей) вместе организовал очень революционный комитет учащихся средних учебных заведений Казани. В революции 1917 года Виктор Тихомирнов принимает активное участие вместе с Молотовым. Но еще во время мировой войны он жертвует очень большую сумму денег партии, что позволило издание «Правды», а Молотова произвело в секретари редакции «Правды», так как возможность издания пришла через него.

Правда, весной 1917 года Молотов, которому в первые недели революции выпала чуть ли не руководящая роль в партии – руководство ее печатным органом, – но которого партия вовсе не рассматривала как политического лидера, здесь остался недолго.

Скоро прибыли в Питер члены ЦК Каменев, Свердлов и Сталин, затем Ленин, Троцкий и Зиновьев, и Молотова послали в провинцию. В 1919 году он был уполномоченным ЦК в Поволжье, в 1920 году – в Нижегородском губкоме партии и губисполкоме, потом в 1920 – 21 годах секретарем Донецкого губкома. Но с марта 1921 года он становится членом ЦК и секретарем ЦК. В течение года он был ответственным секретарем ЦК, правда, не генеральным, но уже и не техническим, как были секретари до него, например, Стасова. 3 апреля 1922 года на посту первого секретаря ЦК его заменил Сталин. Немногого не хватило, чтобы во главе партийного аппарата, автоматически шедшего к власти, не стал Молотов, вернее, не остался Молотов. Зиновьев и Каменев предпочли ему Сталина, и в сущности только по одному признаку – им нужен был на этом посту ярый враг Троцкого. Сталин им и был.

Виктор Тихомирнов становится в 1917 году членом коллегии НКВД, занимается главным образом карательно-административной работой, и в 1919 году, посланный наводить порядки в Казань, умирает там, кажется, от сыпного тифа.

Младший брат его, Герман, в партии с 1917 года. До 1921 года он в армии, некоторое время на чекистской работе – в особых отделах. Оттуда он ушел с некоторыми признаками ненормальности, видимо, чекистская «работа» была не так уж проста. Молотов, придя в ЦК, берет его к себе в секретариат, и он здесь будет много лет работать вторым помощником Молотова. С Молотовым он на «ты» по старому знакомству. Но Молотов его держит в черном теле, беспрерывно цыкает и делает ему выговоры.

Особенным умом он не блещет. У Молотова он – личный секретарь. Гораздо ответственнее, чем он, первый помощник Молотова – Васильевский, человек очень умный и деловой. Герман считает себя призванным чекистом. Я сначала удивлялся, почему он не живет в 1-м Доме Советов сообразно своему посту, а продолжает жить в Лоскутке. Потом я понял. Молотов и Васильевский выуживают из Лоскутки, где живут рядовые сотрудники ЦК, нужный им персонал – людей потолковее. Герман знакомится с ними, встречается в быту, изучает, «просвечивает» по-чекистски и дает заключение о том, можно ли доверять или нет. Вот, пользуясь знакомством с Германом, умная Лера Голубцова и пустила вверх через секретариат оргбюро (оргбюро – это держава Молотова) своего Георгия, и с немалым успехом.

После истории с уставом ко мне присматриваются. До конца года я работаю еще с Кагановичем и Молотовым.

Лазарь Моисеевич Каганович замечателен тем, что был одним из двух-трех евреев, продолжавших оставаться у власти во все время сталинщины. При сталинском антисемитизме это было возможно только благодаря полному отречению Кагановича от всех своих родных, друзей и приятелей. Известен, например, факт, что когда сталинские чекисты под-

няли перед Сталиным дело о брате Кагановича, Михаиле Моисеевиче, министре авиационной промышленности, и Сталин спросил Лазаря Кагановича, что он об этом думает, то Лазарь Каганович, прекрасно знавший, что готовится чистое убийство без малейшего основания, ответил, что это дело «следственных органов» и его не касается. Перед арестом Михаил Каганович застрелился.

Лазарь Каганович, бросившись в революцию, по нуждам революционной работы с 1917 года переезжал с места на место. В Нижнем Новгороде он встретился с Молотовым, который выдвинул его на пост председателя Нижегородского губисполкома, и эта встреча определила его карьеру. Правда, он еще кочевал, побывал в Воронеже, Средней Азии, наконец в ВЦСПС на профсоюзной работе. Отсюда Молотов в 1922 году берет его в заведующие орготделом ЦК, и здесь начинается его быстрое восхождение.

Одно обстоятельство сыграло в этом немалую роль. В 1922 году Ленин на заседании Политбюро говорит, обращаясь к членам Политбюро: «Мы, товарищи, пятидесятилетние (он имеет в виду себя и Троцкого), вы, товарищи, сорокалетние (все остальные), нам надо готовить смену, тридцатилетних и двадцатилетних: выбрать и постепенно готовить к руководящей работе».

Пока в этот момент ограничились тридцатилетними. Наметили двух: Михайлова и Кагановича.

Михайлову было в это время 28 лет, он был кандидатом в члены ЦК и секретарем Московского комитета партии; в 1923 году его избрали членом ЦК и сделали даже секретарем ЦК. Увы, это продолжалось недолго. Очень скоро выяснилось, что большие государственные дела Михайлову совершенно не под силу. Его постепенно оттеснили на меньшую работу. Потом он был руководителем строительства Днепрогэса. В 1937 году был расстрелян вместе с другими (он имел неосторожность в 1929 году быть за Бухарина). В общем, этот выбор для «смены» не удался.

Каганович был много способнее. Держась сначала при Молотове, он постепенно становится, наряду с Молотовым, одним из основных сталинцев. Сталин перебрасывает его из одного важнейшего места партаппарата в другое. Секретарь ЦК Украины, секретарь ЦК ВКП, член Политбюро, первый секретарь МК, снова секретарь ЦК партии, если нужно, Наркомпуть, он выполняет все сталинские поручения. Если у него была вначале совесть и другие человеческие качества, то потом в порядке приспособления к сталинским требованиям все эти качества исчезли, и он стал, как и Молотов, стопроцентным сталинцем. Дальше он привык ко всему, и миллионы жертв его не трогали. Но характерно, что когда после смерти Сталина Хрущев, который при жизни Сталина тоже ко всему приспосабливался, вдруг встрепенулся и выступил с осуждением сталинщины, Каганович, Молотов и Маленков уже никакого другого режима, кроме сталинского (чтобы гайка была завинчена твердо, до отказа), не желали, справедливо полагая, что при режиме сталинского типа можно спать спокойно, и никакая опасность такому режиму не грозит; в то же время чем может кончиться хрущевская некоторая либерализация для их спокойных руководительских мест, да и для режима, еще неизвестно.

Во второй половине 1922 года я еще продолжал работать в ведомстве Кагановича. Молотов и Каганович начинают назначать меня секретарем разных комиссий ЦК. Как секретарь комиссий, я – находка и для того, и для другого. У меня способность быстро и точно формулировать. Каганович, живой и умный, все быстро схватывает, но литературным языком не владеет. Я для него очень ценен. Но еще более ценен в комиссиях я для Молотова.

Молотов – человек не блестящий; это чрезвычайно работоспособный бюрократ, работающий без перерыва с утра до ночи. Много времени ему приходится проводить на заседаниях комиссий. В комиссиях по сути дела к соглашениям приходят скоро, но затем начинается бесконечная возня с редактированием решений. Пробуют сформулировать пункт

решения так – сыплются поправки, возражения; споры разгораются, в них теряют начало формулировок и совсем запутываются. На беду Молотов, хорошо разбираясь в сути дел, с большим трудом ищет нужные формулы.

К счастью, я формулирую с большой легкостью. Я быстро нахожу нужную линию. Как только я вижу, что решение найдено, я поднимаю руку. Молотов сразу останавливает прения. «Слушаем». Я произношу нужную формулировку. Молотов хватается за нее: «Вот, вот, это как раз то, что нужно; сейчас же запишите, а не то забудете». Я его успокаиваю – не забуду. «Повторите еще раз». Повторяю. Вот – заседание кончено, и сколько времени выиграно. «Вы мне сберегаете массу времени, товарищ Бажанов», – говорит Молотов. Теперь он будет меня сажать секретарем во все бесчисленные комиссии, где он председательствует (ЦК работает комиссиями – по всякому важному вопросу после предварительного обсуждения создается комиссия, которая и разрабатывает вопрос, и вырабатывает окончательный текст решения, которое и представляется на утверждение оргбюро или Политбюро).

Одна из самых важных комиссий ЦК – циркулярная. По всяким крупнейшим вопросам ЦК принимает директиву и рассылает ее местным организациям – это циркуляр ЦК. Циркулярная комиссия ЦК и создает текст этих циркуляров. Председательствует иногда Молотов, иногда Каганович. Я уже прочно утвержден секретарем этой (постоянной) комиссии. Должны ли местные партийные организации произвести кампанию по севу в деревне, или перерегистрацию партии и введение нового партийного билета, или кампанию по подписке на новый заем – директива пойдет в форме циркуляра.

Скоро я заинтересовываюсь. Каждый день идут новые циркуляры. Какие из них сохраняют силу, какие устарели, какие изменены, ходом событий или новыми решениями, никому неизвестно. И как местные организации разбираются в этой накопившейся массе циркуляров? И как среди этих тысяч циркуляров найти то, что нужно? Я не питаю иллюзий насчет организационных талантов местных партийных бюрократов. Я кончаю тем, что беру всю массу циркуляров, выбрасываю то, что устарело, изменено или отменено; а все, что представляет годную директиву, собираю в книгу, сортирую по вопросам, темам, разделам, времени и по алфавиту. Так, чтобы можно было мгновенно по индексам найти то, что нужно. И прихожу к Кагановичу. Теперь он уже ждет от меня только серьезных вещей. Не без некоторого озорства я нахожу термин, который его пленит. «Товарищ Каганович, я предлагаю произвести кодификацию партийного законодательства». Это звучит торжественно. Каганович термином упоен. Пускается в ход вся машина. Молотов тоже чрезвычайно доволен. Это дает книгу на 400–500 страниц. Книга получает название «Справочник партийного работника». Типография ЦК ее печатает. Она будет переиздаваться каждый год.

Молотов назначает меня еще секретарем редакции «Известий ЦК». Это – периодический журнал, несмотря на созвучие названий не имеющий ничего общего с ежедневной газетой «Известия ВЦИК». «Известия ЦК» – орган внутренней жизни партии. Редактор – Молотов, и так как редактор – Молотов, то журнал представляет собой необычайно сухое и скучное бюрократическое изделие. Никакая жизнь партии в нем не отражается. Журнал заполнен директивами и указаниями ЦК. Моя секретарская работа тоже совершенно бюрократическая. Я начинаю раздумывать, как мне от этой скучной канцелярщины отделаться, когда вдруг (вдруг для меня, Молотов же и другие к этому готовятся давно) я получаю новое важное назначение. В конце 1922 года я назначен секретарем оргбюро.

Глава 3

Секретарь оргбюро

Секретарь Оргбюро. Секретариат ЦК. Оргбюро. Бюджетная комиссия ЦК. Партколлегия ЦКК и «согласование с ЦК». Канцелярия Оргбюро, реорганизация. Секретариат Молотова. Суть идущей борьбы за власть. Ленин, Троцкий. Болезнь Ленина. «Завещание Ленина». Начало тройки. XII съезд партии. Секретариат Ленина. Фотиева и Гляссер. Сталин ставит своих секретарей Политбюро. Провал. Мое назначение

Я начинаю становиться несколько более важным винтиком партийной государственной машины. Я тону в своей аппаратной работе, от живой жизни я совершенно оторван, о том, что происходит в стране, я узнаю лишь сквозь партийно-аппаратную призму. Только через полгода я начну выходить из этого бумажного моря; тогда у меня, кстати, будет вся информация, и я смогу сопоставлять факты, данные, смогу судить, делать заключения, приходить к выводам; видеть, что происходит на самом деле, и куда это на самом деле идет.

Пока же я принимаю все большее участие в работе центрального партийного аппарата. Он имеет от меня все меньше секретов.

Каковы функции секретаря оргбюро? Я секретарствую на заседаниях оргбюро и на заседаниях секретариата ЦК; кроме того, на заседаниях совещания заведующих отделами ЦК, которое подготавливает материалы для заседания секретариата ЦК; кроме того на заседаниях разных комиссий ЦК. Наконец, я командую секретариатом (с маленькой буквы) оргбюро, то есть канцелярией.

По уставу важность выборных центральных органов партии идет так: секретариат (из трех секретарей ЦК), над ним оргбюро, над ним Политбюро, секретариат ЦК – орган, находящийся в состоянии быстрой эволюции и, может быть, идущий гигантскими шагами к абсолютной власти в стране, но не столько сам по себе, как в лице своего генерального секретаря.

В 1917–1918 – 1919 годах секретарем ЦК, чисто техническим, была Стасова, а довольно рудиментарным аппаратом ЦК командовал Свердлов. После его смерти (в марте 1919 г.) и до марта 1921 года секретарями полутехническими, полуответственными были Серебряков и Крестинский. С марта 1921 года секретарем ЦК (уже имеющим название «ответственного») становится Молотов. Но в апреле 1922 года на пленуме ЦК избираются три секретаря ЦК: «генеральный секретарь» Сталин, 2-й секретарь Молотов и 3-й секретарь Михайлов (вскоре замененный Куйбышевым). С этого времени начинает заседать секретариат.

Функции его плохо определены уставом. В то время как по уставу известно, что Политбюро создано для решения самых важных (политических) вопросов, а оргбюро – для решения вопросов организационных, подразумевается, что секретариат должен решать менее важные вопросы или подготавливать более важные для оргбюро и Политбюро. Но, с одной стороны, это нигде не написано, а с другой стороны, в уставе хитро сказано, что «всякое решение секретариата, если оно не опротестовано никем из членов оргбюро, становится автоматически решением оргбюро, а всякое решение оргбюро, не опротестованное никем из членов Политбюро, становится решением Политбюро, то есть решением Центрального комитета; всякий член ЦК может опротестовать решение Политбюро перед пленумом ЦК, но это не приостанавливает его исполнения».

Другими словами, представим себе, что секретариат берет на себя решение каких-нибудь чрезвычайно важных политических вопросов. С точки зрения внутрипартийной

демократии и устава ничего возразить по этому поводу нельзя. Секретариат не узурпирует прав вышестоящей инстанции – она может всегда это решение изменить или отменить. Но если генеральный секретарь ЦК, как это произошло с 1926 года, уже держит всю власть в своих руках, он уже может, не стесняясь, командовать через секретариат.

На самом деле этого не произошло. До 1927–1928 годов Политбюро и его члены еще имели достаточно веса, чтобы секретариат это не пробовал делать, вступая в ненужный конфликт, а с 1929 года Политбюро было настолько в подчинении у Сталина, что ему не было никакой надобности пробовать править иначе, чем через Политбюро. А еще через несколько лет и Политбюро, и секретариат превратились в простых исполнителей его приказов, и у власти был не тот, кто занимал крупнейший пост в иерархии, а тот, кто стоял ближе к Сталину: его секретарь весил больше в аппарате, чем председатель Совета Министров или любой член Политбюро.

Но сейчас мы в начале 1923 года. На заседаниях секретариата председательствует 3-й секретарь ЦК Рудзутак, который уже успел заменить Куйбышева, перешедшего на должность Председателя ЦКК. На заседании присутствуют Сталин и Молотов – только секретари ЦК имеют право решающего голоса. С правом совещательного голоса присутствуют все заведующие отделами ЦК – Каганович, Сырцов, Смидович (женотдел) и другие (их немало: управляющий делами ЦК Ксенофонтов, зав. финансовым отделом Раскин, зав. статистическим отделом Смиттен, затем новые заведующие – информационным, печати и т. д.), а также главные помощники секретарей ЦК. Рудзутак председательствует хорошо и толково. Со мной он очень мил и кормит меня конфетами – он бросил курить и взамен курения все время сосет конфеты.

На заседаниях оргбюро председательствует Молотов. В оргбюро входят три секретаря ЦК, заведующие главнейшими отделами ЦК Каганович и Сырцов, начальник ПУР (политического управления Реввоенсовета; ПУР имеет права Отдела ЦК), а кроме того один-два члена ЦК, избираемых в оргбюро персонально, чаще всего – секретарь ВЦСПС и первый секретарь МК.

Сталин и Молотов заинтересованы в том, чтобы состав оргбюро был как можно более узок – только свои люди из партаппарата. Дело в том, что оргбюро выполняет работу колоссальной важности для Сталина – оно подбирает и распределяет партийных работников: во-первых, вообще для всех ведомств, что сравнительно неважно; и, во-вторых, всех работников партаппарата – секретарей и главных работников губернских, областных и краевых партийных организаций, что чрезвычайно важно, так как завтра обеспечит Сталину большинство на съезде партии, а это основное условие для завоевания власти. Работа эта идет самым энергичным темпом; удивительным образом Троцкий, Зиновьев и Каменев, плавающие в облаках высшей политики, не обращают на это особенного внимания. Важность сего поймут тогда, когда уж будет поздно.

Первое оргбюро создано в марте 1919 года после VIII съезда партии. В него входили Сталин, Белобородов, Серебряков, Стасова, Крестинский. Как видно по его составу, оно должно было заниматься некоторой организацией технического аппарата партии и некоторым распределением ее сил. С тех пор все изменилось. С назначением Сталина генеральным секретарем оргбюро становится его главным орудием для подбора своих людей и захвата таким образом всех партийных организаций на местах.

С Молотовым мы уже старые знакомые. Он мною очень доволен. По-прежнему он меня сажает секретарем во все комиссии ЦК. Это обеспечивает мое быстрое аппаратное просвещение.

Например, существует бюджетная комиссия ЦК. Это – комиссия постоянная. Председатель – Молотов, я – секретарь. Состоит она из двух секретарей ЦК – Сталина и Молотова (никогда ни одного раза Сталин ни на одном заседании комиссии не был) и заведующего

финансовым отделом ЦК Раскина. Я быстро убеждаюсь, что и Раскин, и я присутствуем на заседаниях комиссии, только чтобы записывать решения Молотова. Хорошо, что Раскину не приходится много разговаривать. Он – русский еврей, эмигрировавший из России в детстве и побывавший в очень многих странах. Он говорит на таком русском языке, что понять его очень трудно. Кажется, то же и на других языках. Сотрудники его отдела говорят: «Товарищ Раскин владеет всеми языками, кроме своего собственного».

С одной стороны, бюджетная комиссия обсуждает и утверждает смету отделов ЦК. Тут присутствуют заведующие отделами, стараются отстоять свои интересы, и Молотов с ними спорит (но решает, конечно, он). С другой стороны – и здесь дело идет об огромных суммах, – бюджетная комиссия утверждает бюджеты всех братских иностранных компартий. На заседания ни один представитель братской компартии никогда не допускается. Докладывает только генеральный секретарь Коминтерна Пятницкий. Молотов распределяет манну беспрекословно и безапелляционно – соображения, которыми он руководствуется, не всегда для меня ясны. Финансовую технику содержания братских компартий мне любезно разъясняет Раскин – скрытый перевод средств обеспечивается монополией внешней торговли.

Быстро просвещаюсь я и насчет работы органа «партийной совести» – партколлегии ЦКК.

В стране существует порядок – все население бесправно и целиком находится в лапах ГПУ. Беспартийный гражданин в любой момент может быть арестован, сослан, приговорен ко многим годам заключения или расстрелян просто по приговору какой-то анонимной «тройки» ГПУ. Но члена партии в 1923 году ГПУ арестовать еще не может (это придет только через лет восемь-десять). Если член партии провинился, совершил убийство или совершил какое-то нарушение партийных законов, его сначала должна судить местная КК (Контрольная комиссия), а для более видных членов партии – ЦКК, вернее, партийная коллегия ЦКК, то есть несколько членов ЦКК, выделенных для этой задачи. В руки суда или в лапы ГПУ попадает только коммунист, исключенный из партии партколлекцией. Перед партколлекцией коммунисты трепещут. Одна из наибольших угроз: «передать о вас дело в ЦКК».

На заседаниях партколлегии ряд старых комедиантов вроде Сольца творят суд и расправу, гремя фразами о высокой морали членов партии, и изображают из себя «совесть партии». На самом деле существует два порядка: один, когда дело идет о мелкой сошке и делах чисто уголовных (например, член партии просто и грубо провинился), и тогда Сольцу нет надобности даже особенно играть комедию. Другой порядок – когда речь идет о членах партии покрупнее. Здесь существует уже никому не известный информационный аппарат ГПУ; действует он осторожно, при помощи и участии членов коллегии ГПУ Петерса, Лациса и Манцева, которые для нужды дела введены в число членов ЦКК. Если дело идет о члене партии – оппозиционере или каком-либо противнике сталинской группы, невиднo и подпольно информация ГПУ (верная или специально придуманная для компрометации человека) доходит через управляющего делами ЦК Ксенофонтова (старого чекиста и бывшего члена коллегии ВЧК) и его заместителя Бризановского (тоже чекиста) в секретариат Сталина, к его помощникам Каннеру и Товстухе. Затем так же тайно идет указание в партколлекцию, что делать, «исключить из партии» или «снять с ответственной работы», или «дать строгий выговор с предупреждением» и т. д. Уж дело партколлегии – придумать и обосновать правдоподобное обвинение. Это совсем нетрудно – и греметь фразами о партийной морали, и придрататься к любому пустяку. Написал, например, партиец статью в журнал, получил 30 рублей гонорара сверх партийного максимума – Сольц такую истерику разыгрывает по этому поводу, что твой Художественный театр. Одним словом, получив от Каннера директиву, Сольц или Ярославский будут валять дурака, возмущаться, как смел данный коммунист нарушить чистоту партийных риз, и вынесут приговор, который они получили от Каннера (о Каннере и секретариате Сталина мы еще поговорим).

Но в уставе есть пункт: решения контрольных комиссий должны быть согласованы с соответствующими партийными комитетами; решения ЦКК – с ЦК партии. Этому соответствует такая техника.

Когда заседание оргбюро кончено и члены его расходятся, мы с Молотовым остаемся. Молотов просматривает протоколы ЦКК. Там идет длинный ряд решений о делах. Скажем, пункт: «Дело т. Иванова по таким-то обвинениям».

Постановили: «Т. Иванова из партии исключить» или «Запретить т. Иванову в течение трех лет вести ответственную работу». Молотов, который в курсе всех директив, которые даются партколлегии, ставит птичку. Я записываю в протокол оргбюро: «Согласиться с решениями ЦКК по делу тт. Иванова (протокол ЦКК от такого-то числа, пункт такой-то), Сидорова...» и т. д. Но по иному пункту Молотов не согласен: ЦКК решила «объявить строгий выговор». Молотов вычеркивает и пишет: «Исключить из партии». Я пишу в протоколе оргбюро: «По делу т. Иванова предложить ЦКК пересмотреть ее решение от такого-то числа за таким-то пунктом». Сольц, получив протокол, позвонит мне и спросит: «А какое решение?» Я ему скажу по телефону, что написал Молотов на их протоколе. И в ближайшем протоколе ЦКК будет сказано: «Пересмотрев свое решение от такого-то числа и учтя важность предъявленных обвинений, партколлегия ЦКК постановляет: т. Иванова из партии исключить». Понятно, оргбюро (то есть Молотов) с этим решением согласится.

Моя канцелярия оргбюро состоит из десятка сотрудников, чрезвычайно проверенных и преданных. Вся работа оргбюро считается секретной (Политбюро – чрезвычайно секретной). Поэтому, чтобы секреты были известны как можно меньшему числу лиц, штаты минимальны. Этому соответствует сильная перегруженность сотрудников работой – практически они личной жизни не имеют: начинают работать в 8 часов утра, едят наскоро тут же и кое-как, заканчивают работу в час ночи. При этом все равно с работой не справляются – в бумажном море, в котором тонет оргбюро, полная неразбериха, ничего найти нельзя, бумаги регистрируются по каким-то допотопным методам входящих и исходящих; когда секретарю ЦК нужна какая-либо справка или документ из архива, начинаются многочасовые поиски в архивном океане.

Я вижу, что эта организация ничего не стоит. Я ее всю ломаю, завожу несколько карточек с записью каждого документа по трем разным алфавитным индексам. Постепенно все приходит на свое место.

Через 2–3 месяца бумага или справка, которую требует секретарь ЦК, доставляется ему не позже, чем через одну минуту, отделы ЦК, считавшие раньше безнадежным обращаться в секретариат оргбюро, не надивятся скорости, с которой все сразу происходит. Молотов чрезвычайно доволен и не нахвалится мной. Но, сам того не подозревая, он подготавливает мою потерю: в секретариате Политбюро царит еще худшая неразбериха, и Сталин начинает подумывать, что было бы неплохо, если бы я там навел порядок; но это дело не такое простое – мы это увидим дальше.

Последствия для персонала моей канцелярии совершенно неожиданные. Сначала они все энергично протестуют против моих реформ и жалуются секретарям ЦК, что работать со мной невозможно. Когда все же твердой рукой я все реформы провожу и результаты налицо, протесты, по сути дела, умолкают. Но раньше весь день их работы терялся впустую – по долгим и бесплодным поискам. Теперь вся работа происходит быстро и точно. И ее оказывается гораздо меньше. Теперь сотрудники приходят в 9 часов, а в 5–6 часов все кончено. Теперь они располагают свободным временем и могут иметь личную жизнь. Довольны они? Наоборот. Раньше у них был в собственных глазах ореол мучеников, идейных людей, приносящих себя в жертву для партии. Теперь они – канцелярские служащие в хорошо работающем аппарате, и только. Я чувствую, что все они полны разочарования.

Я работаю в постоянном контакте с секретарями Молотова, и уже также в некотором контакте с секретарями Сталина.

Во главе секретариата Молотова стоит его первый секретарь Васильевский. Это быстрый и энергичный человек, умный и деловой. Худой, худощавое умное лицо. Он организует всю работу Молотова, быстро и толково разбирается во всех делах. С Молотовым он на «ты» и пользуется его полным доверием. Не могу выяснить его прошлого. Кажется, он бывший офицер царского времени (примерно поручик). Сейчас же после октябрьской революции был (большевистским) начальником штаба Московского военного округа. Когда я уйду в 1926 году из ЦК, я теряю его следы, потом я никогда ничего о нем не слышал.

Второй помощник Молотова – Герман Тихомирнов. Он, собственно, является личным секретарем. Пороху он не выдумает, и я не раз удивляюсь, как Молотов управляет с таким личным секретарем. Но третий и четвертый помощники Молотова – Бородаевский и Белов – не лучше. Герман с Молотовым тоже на «ты». Молотов не в восторге от его работы, но его терпит. Года через два-три он назначит Тихомирнова заведовать Центральным партийным архивом при ЦК партии, но по части бумаг безобидных, так как все важнейшие документы находятся за сталинским секретариатом и сталинским секретарем Товстухой.

Работая с секретариатом Молотова, я все более в курсе дел партийной верхушки. Я начинаю понимать скрытую суть идущей борьбы за власть.

После революции и во время Гражданской войны сотрудничество Ленина и Троцкого было превосходным. К концу Гражданской войны (конец 1920 г.) страна и партия считают вождями революции Ленина и Троцкого, далеко впереди всех остальных партийных лидеров. Собственно говоря, войной руководил все время Ленин. Страна и партия это знают плохо и склонны приписывать победу главным образом Троцкому, организатору и главе Красной армии. Этот ореол Троцкого мало устраивает Ленина – он предвидит важный и опасный поворот при переходе к мирному строительству. Чтобы сохранить при этом руководство, ему нужно сохранить большинство в центральных руководящих органах партии, в ЦК. Между тем и до революции, и в 1917 году Ленину и его партии, созданной им, много раз приходилось оказываться в меньшинстве и снова завоевывать большинство с большим трудом. И после революции это повторялось – вспомнить, например, как он терпел поражение в ЦК и оставался в меньшинстве по такому первой важности вопросу, как вопрос о Брест-Литовском мире с Германией.

Ленин хочет обезопасить себя, гарантировать себе большинство. Он видит возможную угрозу своему лидерству только со стороны Троцкого. В конце 1920 года он в дискуссии о профсоюзах старается ослабить позиции Троцкого и уменьшить его влияние. Ленин еще усиливает свою игру, ставя Троцкого в глупое положение в истории с транспортом. Надо спешно поднять развалившиеся железные дороги. Ленин прекрасно знает, что Троцкий совсем не годится для этой работы, да не имеет и объективных возможностей ее сделать. Троцкий назначается наркомом путей сообщения. Он вносит в это дело энтузиазм, пафос, красноречие, свои навыки трибуны. Это ничего не дает, кроме конфуза. И Троцкий уходит, с ощущением провала.

В ЦК Ленин организует группу своих ближайших помощников – из противников Троцкого. Наиболее ярые враги Троцкого – Зиновьев и Сталин. Зиновьев стал врагом Троцкого после осени 1919 года, когда происходило успешное наступление Юденича на Петроград. Зиновьев был в полной панике и совершенно потерял возможности чем-либо руководить; прибыл Троцкий, выправил положение, третировал Зиновьева с презрением – тут они стали врагами. Не менее ненавидит Троцкого Сталин. Во все время Гражданской войны Сталин был членом Реввоенсовета разных армий и фронтов и был подчинен Троцкому. Троцкий требовал дисциплины, выполнения приказов, использования военных специалистов. Сталин опирался на местную недисциплинированную вольницу, все время не выполнял приказов

военного центра, не терпел Троцкого как еврея. Ленину все время приходилось быть арбитром, и Троцкий резко нападал на Сталина.

Каменев, не имевший личных поводов неприязни к Троцкому, менее честолюбивый и менее склонный к интригам, примкнул к Зиновьеву и следовал за ним. Ленин высоко поднял всю группу. Не говоря уже о том, что Зиновьев был поставлен во главе Коминтерна (тогда Троцкий это принял спокойно, он был на важнейшем посту во главе армии во время Гражданской войны), а Каменева Ленин сделал своим первым и главным помощником по Совнаркому и фактически поручил ему верховное руководство хозяйством страны (Совет труда и обороны). Но, когда на апрельском пленуме ЦК 1922 года по идее Зиновьева Каменев предложил назначить Сталина генеральным секретарем ЦК, то Ленин не возражал, хотя хорошо знал Сталина. Так что в марте-апреле 1922 года эта группа, не выходя из повиновения Ленину, обеспечивала ему большинство, а Троцкий перестал быть опасен.

Но 25 мая 1922 года произошло неожиданное событие, все изменившее, – первый удар Ленина. Ленин бывал не раз болен последние годы – в августе 1918 года он был ранен (покушение Фанни Каплан), в марте 1920 года был очень болен, с конца 1921 года и до конца марта 1922 года был болен и отошел от дел. Но затем поправился, 27 марта 1922 года сделал на съезде политический отчет ЦК, и все держал в руках. Удар 25 мая спутал все карты. И до октября 1922 года Ленин практически был не у дел, и заключение врачей (конечно, секретное, для членов Политбюро, а не для страны) было, что это начало конца. Уже после удара Зиновьев, Каменев и Сталин организуют «тройку». Главного соперника они видят в Троцком. Но они еще не предпринимают борьбы против него, потому что против ожидания в июне Ленин начал поправляться, поправлялся все больше, и с начала октября вернулся к работе. Он еще выступил 20 октября на пленуме Московского совета, еще сделал 3 ноября доклад на четвертом конгрессе Коминтерна. Во время этого возвращения он снова взял все в руки, разнес Сталина по поводу национальной политики (Сталин, проводя политику более централистскую, чем русификаторскую, в проекте подготавливавшейся конституции наметал создание РОССИЙСКОЙ социалистической советской республики; Ленин потребовал, чтобы это был СОЮЗ социалистических советских республик, предвидя возможность присоединения и других стран по мере успехов революции на Востоке и Западе). Также Ленин собирался разнести Сталина по поводу его конфликта (и его соратников Орджоникидзе и Дзержинского) с ЦК Грузии, но не успел. В октябре 1922 года пленум ЦК без Ленина принял решения, ослабившие монополию внешней торговли. В декабре вернувшийся Ленин на новом пленуме эти октябрьские решения отменил. Казалось, Ленин снова все держал в руках, и «тройка» снова вернулась на роль его приближенных помощников и исполнителей.

Но врачи были правы: улучшение было кратковременным. Нелеченный в свое время сифилис был в последней стадии. Приближался конец, 16 декабря положение Ленина снова ухудшилось, и еще более – 23 декабря.

Уже в начале декабря Ленин знал, что ему жить осталось недолго. От этого испарились заботы о большинстве в ЦК и о соперничестве с Троцким. К тому же Ленина поразило, как за несколько месяцев его болезни быстро увеличилась власть партийного аппарата и, следовательно, Сталина. Ленин сделал шаг к сближению с Троцким и начал серьезно раздумывать, как ограничить растущую власть Сталина. Размышляя над этим, Ленин придумал ряд мер, прежде всего организационных. Статьи он уже не мог писать, а должен был их диктовать своим секретаршам. Прежде всего Ленин пришел к двойной мере – с одной стороны, значительно расширить состав ЦК, разбавив, так сказать, власть аппарата; с другой стороны, реорганизовать и значительно расширить ЦКК, сделав из нее противовес бюрократическому аппарату партии.

23 и 26 декабря он продиктовал первое «письмо съезду». Он имел в виду XII съезд партии, который должен был произойти в марте-апреле 1923 года, в котором речь шла о

расширении состава ЦК. Это письмо было переслано в ЦК Сталину. Сталин его скрыл, и на съезде, происшедшем в апреле, пользуясь тем, что в это время Ленин уже полностью вышел из строя, выдал это предложение за свое (но будто бы согласное с ленинскими мыслями). Предложенное увеличение было принято, число членов ЦК было увеличено с 27 до 40. Но сделал это Сталин с целью, противоположной мысли Ленина, а именно – чтобы увеличить число СВОИХ подобранных членов ЦК и этим увеличить свое большинство в ЦК.

24 и 25 декабря Ленин продиктовал второе «письмо съезду». Это и есть то, что обычно называют «завещание Ленина». В нем он давал характеристики видным лидерам партии, ставя вопрос о руководстве партией в случае своей смерти, и в общем склонялся к руководству коллегиальному, но выдвигал все же на первое место Троцкого. Это письмо было адресовано в сущности к тому же ближайшему съезду (им должен был быть XII съезд, в апреле 1923 года), но Ленин приказал его запечатать и указать, что оно должно быть вскрыто только после его смерти. Дежурная секретарша, правда, слов о его смерти на конверте не поместила, но сказала обо всем этом и Крупской, и другим секретаршам. И Крупская, связанная этим приказом, к XII съезду конверта не вскрыла – Ленин был еще жив.

Между тем Ленин, продолжая думать над этими вопросами, через несколько дней пришел к убеждению, что Сталина необходимо с поста генерального секретаря снять. 4 или 5 января 1923 года он сделал об этом известную приписку к «завещанию», в которой, говоря о грубости и других недостатках Сталина, советовал партии его с поста генерального секретаря удалить. Эта приписка была присоединена к «письму съезду», запечатана и также Крупской перед XII съездом вскрыта не была. Но содержание «завещания» секретарши Ленина знали и Крупской рассказали.

Наконец, вторую часть своего плана Ленин изложил в продиктованной им статье «Как нам реорганизовать Рабкрин». Диктовал он ее до начала марта. Эта статья пошла в ЦК нормально; Рабкрин был реорганизован в июне формально по проекту Ленина, но, на самом деле опять-таки в целях Сталина.

В феврале-марте состояние Ленина было стационарно. В это время Ленин пришел к окончательному решению о борьбе и со Сталиным, и с бюрократическим аппаратом, который он возглавлял. По настоянию Ленина в конце февраля создается комиссия ЦК против бюрократизма (Ленин имеет в виду прежде всего бюрократизм оргбюро, Ленин надеется, что на приближающемся съезде он будет руководить борьбой против Сталина, хотя и из своей комнаты больного).

Между тем Сталин после второго ухудшения здоровья Ленина в середине декабря (врачи считали, что это, в сущности, второй удар) решил, что с Лениным можно уже особенно не считаться. Он стал груб с Крупской, которая обращалась к нему от имени Ленина. В январе 1923 года секретарша Ленина Фотиева запросила у него интересовавшие Ленина материалы по грузинскому вопросу. Сталин их дать отказался («не могу без Политбюро»). В начале марта он так обругал Крупскую, что она прибежала к Ленину в слезах, и возмущенный Ленин продиктовал письмо Сталину, что он порывает с ним всякие личные отношения. Но при этом Ленин сильно переволновался, и 6 марта с ним произошел третий удар, после которого он потерял и дар речи, был парализован, и сознание его почти угасло. Больше его на политической сцене уже не было, и следующие 10 месяцев были постепенным умиранием.

(Все, что написано выше, я знаю в начале 1923 года из вторых рук – от секретарей Молотова; через несколько месяцев я получу проверку и подтверждение всего этого уже из первых рук – от секретарей Сталина и секретарш Ленина.)

С января 1923 года тройка начинает осуществлять власть. Первые два месяца – еще опасаясь блока Троцкого с умирающим Лениным, но после мартовского удара Ленина больше не было, и тройка могла начать подготовку борьбы за удаление Троцкого. Но до лета тройка старалась только укрепить свои позиции.

Съезд партии состоялся 17–25 апреля 1923 года. Капитальным вопросом было, кто будет делать на съезде политический отчет ЦК – самый важный политический документ года. Его делал всегда Ленин. Тот, кто его сделает, будет рассматриваться партией как наследник Ленина.

На Политбюро Сталин предложил его прочесть Троцкому. Это было в манере Сталина. Он вел энергичную подспудную работу расстановки своих людей, но это даст ему большинство на съезде только года через два. Пока надо выиграть время и усыпить внимание Троцкого.

Троцкий с удивительной наивностью отказывается: он не хочет, чтобы партия думала, что он узурпирует место больного Ленина. Он в свою очередь предлагает, чтобы отчет читал генеральный секретарь Сталин. Представляю себе душевное состояние Зиновьева в этот момент. Но Сталин тоже отказывается – он прекрасно учитывает, что партия этого не поймет и не примет – Сталина вождем партии никто не считает. В конце концов не без добрых услуг Каменева читать политический доклад поручено Зиновьеву – он председатель Коминтерна, и если нужно кому-либо временно заменить Ленина по случаю его болезни, то удобнее всего ему. В апреле на съезде Зиновьев делает политический отчет.

В мае и июне тройка продолжает укреплять свои позиции. Зиновьева партия считает не так вождем, как номером первым. Каменев – и номер второй, и фактически заменяет Ленина как председателя Совнаркома и председателя СТО. Он же председательствует на заседаниях Политбюро. Сталин – номер третий, но его главная работа – подпольная, подготовка завтрашнего большинства. Каменев и Зиновьев об этой работе не думают – их первая забота – как политически дискредитировать и удалить от власти Троцкого.

Ленин вышел из строя, но секретариат его продолжает по инерции работать. Собственно, у Ленина две секретарши – Гляссер и Фотиева. Из остальных близких сотрудниц в последнее время болезни Володичева и Сара Флаксерман выполняли вместе с ними обязанности «дежурных секретарш», то есть дежурили, чтобы в любой момент быть в распоряжении Ленина, если он захочет продиктовать какое-нибудь письмо, распоряжение или статью. Сара Флаксерман переходит в малый Совнарком (это своего рода комиссия, придающая нужную юридическую форму проектам декретов Совнаркома), становясь его секретарем. Фотиева, занимающая официальную должность секретаря Совнаркома СССР, продолжает работать с Каменевым. Она рассказывает Каменеву достаточно мелких секретов ленинского секретариата, чтобы продолжать сохранять свой пост. Впрочем, Каменев не Сталин, и мелочами ленинского быта не очень интересуется.

Но из двух секретарш Ленина главная и основная – Мария Игнатьевна Гляссер. Она секретарша Ленина по Политбюро, Лидия Фотиева – секретарша по Совнаркому. Вся Россия знает имя Фотиевой – она много лет подписывает с Лениным все декреты правительства. Никто не знает имени Гляссер – работа Политбюро совершенно секретна. Между тем все основное и самое важное происходит на Политбюро, и все важнейшие решения и постановления записывает на заседаниях Политбюро Гляссер. Совнарком затем только «оформляет в советском порядке», и Фотиева должна только следить за тем, чтобы декреты Совнаркома точно повторяли решения Политбюро, но не принимает того участия в их подготовке и формулировке, как Гляссер.

Гляссер секретарствует на всех заседаниях Политбюро, пленумов ЦК и важнейших комиссий Политбюро. Это маленькая горбунья с умным и недобрым лицом. Секретарша она хорошая, женщина очень умная; сама, конечно, ничего не формулирует, но хорошо понимает все, что происходит в прениях Политбюро, то, что диктует Ленин, и записывает точно и быстро. Она хранит ленинский дух и, зная ленинскую вражду последних месяцев его жизни к бюрократическому сталинскому аппарату, не делает никаких попыток перейти к нему на

службу. Сталин решает, что пора ее удалить и заменить своим человеком. Пост секретаря Политбюро слишком важен – в нем сходятся все секреты партии и власти.

В конце июня 1923 года Сталин получает согласие Зиновьева и Каменева и снимает Гляссер с поста секретаря Политбюро. Но не так легко найти замену. Работа секретаря Политбюро требует многих качеств. Секретарствуя на заседаниях, он не только должен прекрасно понимать суть всех прений и всего, что происходит на Политбюро; он одновременно должен: 1) внимательно следить за прениями, 2) следить за тем, чтобы все члены Политбюро вовремя были обеспечены всеми нужными материалами, 3) руководить потоком вельмож, вызванных по каждому пункту повестки, 4) вмешиваться в прения всегда, когда происходит какая-нибудь ошибка, забывается, что раньше было уже решено по вопросу что-то иное, 5) делая все это, успевать записывать постановления, 6) быть памятью Политбюро, давая мгновенно все нужные справки.

Гляссер со всем этим справлялась. Сталин пробует заменить ее двумя своими секретарями – Назаретяном и Товстухой, надеясь, что вдвоем, разделяя работу, они смогут ее выполнить.

Увы, дело кончается полным провалом. Назаретян и Товстуха не могут сосредоточить свое внимание на всех задачах, не успевают, путаются, не схватывают, не понимают; работа Политбюро явно расстраивается. Члены Политбюро видят, что это – провал, но еще молчат. Наконец взрывается Троцкий. Поводом служит обсуждение ноты Наркоминдела английскому правительству. Проект ноты составил Троцкий, при обсуждении на Политбюро вносятся некоторые поправки. Секретари, не схватывая их сути, не вносят нужных изменений. После заседания приходится объезжать членов Политбюро, поправлять, согласовывать текст и так далее.

Троцкий пишет на следующем заседании Политбюро (эта бумажка у меня сохранилась – мне ее передал Назаретян):

«**Только членам Политбюро.** Т. Литвинов говорит, что секретари заседания **ничего не записывали** по вопросу о ноте. Это не годится. Надо обеспечить в дальнейшем более правильный порядок. Секретари должны были иметь перед глазами текст ноты (я послал) и отмечать. Иначе могут возникнуть недоразумения. Троцкий».

Зиновьев пишет на бумажке: «Нужно обязат. стенографа ГЗ»

Бухарин: «Присоединяюсь Н. Бух.»

Сталин, чрезвычайно недовольный неудачей, с обычной своей грубостью и недобросовестностью, пишет:

«**Пустяки.** Секретари записали бы, если бы Троцкий и Чичерин не записывали сами. Наоборот, целесообразно, чтобы в видах конспирации по **таким вопросам** отдельных записей секретарей не было. И. Ст.»

Томский: «Стенограф не нужен. М. Том.»

Каменев: «Стенограф (коммунист, проверенный, в помощь секретарям заседания) – нужен. Л. Кам.»

(То, что выделено в текстах, подчеркнуто самими Троцким и Сталиным.)

Почему я пишу, что Сталин явно недобросовестен? Он подчеркивает «по таким вопросам», как будто обсуждавшийся вопрос о ноте необычайно секретен. Между тем это – обычная практика Политбюро, огромное большинство вопросов так же или еще более секретно; выделять вопросы, по которым нельзя доверять секретарям Политбюро в их записях, просто глупо и невозможно. Кстати, Троцкий пишет «только членам Политбюро», чтобы показать, что он с мнением члена Политбюро совершенно не считается. Сталин передает эту бумажку Назаретяну которому она как раз не должна быть показана.

Сталину приходится все же отступить. Как было бы для него хорошо иметь секретарями Политбюро своих людей – Назаретяна и Товстуху. Увы, не выходит. Есть Бажанов,

который превосходно справляется с обязанностями секретаря оргбюро и, вероятно, хорошо справится с обязанностями секретаря Политбюро, но будет ли он своим человеком? Это вопрос. Надо рискнуть.

9 августа 1923 года оргбюро ЦК постановляет: «Назначить помощником секретаря ЦК т. Сталина т. Бажанова с освобождением его от обязанностей секретаря оргбюро». В постановлении Сталин ничего не говорит о моей работе секретарем Политбюро. Это обдуманно. Я назначаюсь его помощником. А назначение секретаря Политбюро – это его прерогатива – он будет назначать на этот пост своего помощника или кого найдет нужным (впоследствии – Маленкова, который и не скоро еще будет его помощником).

Глава 4

Помощник Сталина – секретарь политбюро

Утверждение повестки Политбюро. Механизм власти тройки. Технический аппарат Политбюро. Фельдъегерский корпус ГПУ. Совершенно секретно. Тамара Хазанова. Секретариат Сталина. Назаретян. Распределение работы. Каннер. 1-й Дом советов 5-й этаж дома ЦК партии. Начало работы со Сталиным. «Вертушка». Т. Сталин «слушает». Ремонт кавалерии и 7 миллионов долларов. Заседания Политбюро

Назаретян, сдавая мне дела секретариата Политбюро, говорит мне: «Товарищ Бажанов, вы и не представляете себе, какой важности пост вы сейчас занимаете». Действительно, это я увижу только через два дня, когда в первый раз буду докладывать проект повестки очередного заседания Политбюро.

Политбюро – центральный орган власти. Оно решает все важнейшие вопросы управления страной (да и мировой революцией). Оно заседает 2–3 раза в неделю. На повестке его регулярных заседаний фигурирует добрая сотня вопросов, иногда до 150 (бывают и экстраординарные заседания по отдельным срочным вопросам). Все ведомства и центральные учреждения, ставящие свои вопросы на решение Политбюро, посылают их мне, в секретариат Политбюро. Я их изучаю и составляю проект повестки очередного заседания Политбюро. Но порядок дня заседания Политбюро утверждаю не я. Его утверждает тройка. Тут я неожиданно раскрываю подлинный механизм власти тройки.

Накануне заседания Политбюро Зиновьев, Каменев и Сталин собираются, сначала чаще на квартире Зиновьева, потом обычно в кабинете Сталина в ЦК. Официально – для утверждения повестки Политбюро. Никаким уставом или регламентом вопрос об утверждении повестки не предусмотрен. Ее могу утверждать я, может утверждать Сталин. Но утверждает ее тройка, и это заседание тройки и есть настоящее заседание секретного правительства, решающее, вернее, предрешающее все главные вопросы. На заседании только четыре человека – тройка и я. Я докладываю вкратце всякий вопрос, который предлагается на повестку Политбюро, докладываю суть и особенности. Формально тройка решает, ставить ли вопрос на заседании Политбюро или дать ему другое направление. На самом деле члены тройки сговариваются, как этот вопрос должен быть решен на завтрашнем заседании Политбюро, обдумывают решение, распределяют даже между собой роли при обсуждении вопроса на завтрашнем заседании.

Я не записываю никаких решений, но все по существу предрешено здесь. Завтра на заседании Политбюро будет обсуждение, будут приняты решения, но все главное обсуждено здесь, в тесном кругу; обсуждено откровенно, между собой (друг друга нечего стесняться) и между подлинными держателями власти. Собственно, это и есть настоящее правительство, и моя роль первого докладчика по всем вопросам и неизбежного конфиденанта во всех секретных и закулисных решениях гораздо больше, чем простого секретаря Политбюро. Теперь я схватываю значение замечания Назаретяна.

Правда, ничто не вечно под луной, не вечно и тройка; но еще два года этот механизм власти будет действовать отлично.

Мой доклад на тройке по каждому вопросу должен быть быстр, ясен, краток и точен. Я вижу, что тройка мной довольна.

Мне подчинен секретариат Политбюро. Он, как и секретариат оргбюро, состоит из десятка преданных, отобранных и проверенных партийцев. Они тоже работают с раннего

утра до поздней ночи. Неразбериха и хаос здесь еще больше, чем в оргбюро – здесь гораздо больше бумажных гор, наваленных в непонятном порядке. Найти какую-нибудь бумагу или справку удастся редко. А если удастся, то по особой причине. Одна из сотрудниц, Люда Курындина, высокая и крупная девица, обладает поразительной и трудно объяснимой памятью. Нужно срочно найти доклад, который месяц или два тому назад прислал Высший совет народного хозяйства по вопросу о политике цен. Где он может быть? Просто найти его невозможно. Курындина погружается в сеанс ясновидения и наконец вспоминает, что, кажется, она его видела в одной из папок вон в том углу (огромного архива). Просматривают все эти папки, и иногда доклад действительно находится.

Я приступаю к такой же реорганизации при помощи картотек и индексов, как и в оргбюро. Но здесь это персоналом принимается лучше – секретариат оргбюро находится рядом в этом же этаже, и о чудодейственных результатах реформы здесь давно известно. Через 2–3 месяца все приходит в норму, всякая бумага находится мгновенно. Секретари ЦК и заведующие отделами, которые раньше считали совершенно безнадежным обращаться в пучины Политбюро, сейчас не только обращаются и немедленно получают нужную справку, но начинают ставить нас в пример своим подчиненным: «Почему у вас такая неразбериха? Почему вы ничего не можете найти? Смотрите, в секретариате Политбюро бумаг в десятки раз больше, чем у вас, а нужная справка всегда находится моментально».

Через три месяца персонал, как и в секретариате оргбюро, приходит к нормальной работе: все заканчивается не в час ночи, а в 5–6 часов дня. Но здесь разочарования нет. Здесь персонал себя простыми канцеляристами считать не может. Он знает, что весь день через его руки проходят все государственные секреты, он этим гордится, и всегда и во всяком случае считает себя персоналом особо доверенным.

Так как все материалы, которыми оперирует мой секретариат, «особо» и «совершенно секретны», то для их рассылки и обратного собирания существует специальный фельдъегерский корпус ГПУ. Это отобранные, вымуштрованные и выдрессированные чекисты, хорошо вооруженные, одетые с головы до ног во все кожаное. С материалом или протоколом Политбюро в запечатанном конверте они проникают сквозь все секретарские преграды к адресату – члену ЦК или наркому: «Товарищу такому-то, срочно, совершенно секретно, в собственные руки, с распиской на конверте». Если конверт адресован, скажем, Троцкому, они проникнут в кабинет Троцкого, никому и ни за что его не отдадут по дороге, вручат Троцкому конверт в руки и только в руки, будут стоять рядом, пока Троцкий его будет вскрывать, и не уйдут, пока Троцкий не распишется на конверте и не отдаст им конверт с распиской. Они выдрессированы так, что за порученный им конверт они отвечают головой, и взять у них конверт можно, только переступив через их труп. Секретариат Политбюро, где я работаю, помещается на 5-м этаже в доме ЦК на Старой площади. Заседания Политбюро происходят в Кремле в зале заседаний Совнаркома. В Кремль я и мои помощники везем на большой машине драгоценный груз – материалы Политбюро, последние протоколы. Два вооруженных чекиста из фельдъегерского корпуса сопровождают нас в нашей машине. У них всегда напряженные лица – им внушено, что нет секретнее этих материалов и что их надо защищать до последней капли крови. Конечно, никто никогда на нас не нападал.

По прочтении протокола, выписки или материала Политбюро адресат – член ЦК (не имеющий права копировать протокол или выписку) тем же фельдъегерским корпусом отправляет прочтенное в секретариат Политбюро, где ведется опись, составляются акты рассылки и получения, а затем и уничтожение материалов (кроме того, что остается для архива).

Этим, а также размножением материалов, печатанием протоколов и выписок, архивами и всей прочей техникой занимаются мои сотрудники.

Среди сотрудниц есть очень красивая девушка, грузинка Тамара Хазанова, с большими, очень красивыми черными глазами. У меня еще не было никакого настоящего боль-

шого романа. От этого романа я вовремя удерживаюсь – Тамара столь же неумна, как красива. Через несколько лет она станет большой подругой жены Сталина, Нади Аллилуевой, но подругой не на равных началах, как, например, жена Молотова, Жемчужина, а так, что Тамара будет обожать Надю, как институтка, и ходить за ней по пятам. Она будет все время бывать у Нади и возиться с ее детьми. Когда Надя покончит с собой и дети останутся на попечении прислуги, Тамара будет продолжать ими заниматься. Кажется, в это время ненадолго она будет пользоваться, так сказать, особым расположением Сталина. Но она глупа, и Сталин не сможет ее долго выносить. Занимая должность секретаря комфракции ВЦСПС, она в конце концов пленит члена Политбюро Андреева, который на ней и женится.

Теперь я вхожу в секретариат Сталина. У этого учреждения будет большая история. Сейчас во главе его номинально стоит Назаретян. Но он сейчас же уйдет в отпуск, который будет продолжен по болезни. Он вернется в конце года очень ненадолго, будет Сталиным послан в «Правду» с особыми поручениями (я об этом расскажу дальше – это громкая история) и обратно в аппарат ЦК не вернется.

Амаяк Назаретян – армянин, очень культурный, умный, мягкий и выдержанный. Он в свое время вел со Сталиным партийную работу на Кавказе. Со Сталиным на «ты» сейчас всего три человека: Ворошилов, Орджоникидзе и Назаретян. Все трое они называют Сталина «Коба» по его старой партийной кличке. У меня впечатление, что то, что его секретарь говорит ему «ты», Сталина начинает стеснять. Он уже метит во всероссийские самодержцы, и эта деталь ему неприятна. В конце года он отделяется от Назаретяна не очень элегантным способом. Похоже на то, что этим их личные отношения прервутся. Назаретян уедет на Урал – председателем областной контрольной комиссии, потом вернется в Москву и будет работать в аппарате ЦКК и комиссии советского контроля, но к Сталину больше приближаться не будет. В 1937 году Сталин его расстреляет.

Другой помощник Сталина, Иван Павлович Товстуха, наоборот, до самой своей смерти (в 1935 году) будет играть важную роль в сталинском секретариате и при Сталине. Но сейчас, на ближайшие месяцы, он в секретариате будет бывать мало – он выполняет особое поручение Сталина – организует «Институт Ленина». Постоянно работают в секретариате сейчас три помощника Сталина: я, Мехлис и Каннер. Когда мы определяем в наших разговорах сферы нашей работы, мы делаем это так: «Бажанов – секретарь Сталина по Политбюро; Мехлис – личный секретарь Сталина; Гриша Каннер – секретарь Сталина по темным делам; Товстуха – секретарь по полутемным».

Это требует пояснений. Сравнительно ясно все насчет меня и Мехлиса. Ничего темного в нашей работе нет. В частности, все, что адресуется и приходит в Политбюро, получаю я. Все, что приходит на имя Сталина лично, получает Мехлис и докладывает Сталину. Я, так сказать, обслуживаю Политбюро, Мехлис обслуживает Сталина. У Гриши Каннера официально функции неопределенно бытовые. Он занимается безопасностью, квартирами, автомобилями, отпусками, лечебной комиссией ЦК, ячейкой ЦК, на первый взгляд всякими мелочами. Но это – надводная часть его работы. Подводная – о ней можно только догадываться.

Я очень скоро выясняю основную линию работы Гриши Каннера. Управляет делами ЦК старый чекист, бывший член коллегии ВЧК Ксенофонтов. Он и его заместитель Бризановский, тоже чекист, работают по указаниям и приказам Гриши.

Как только я назначен секретарем Политбюро, Гриша Каннер (один из помощников Сталина) и Ксенофонтов заявляют, что мне необходимо переехать в Кремль или, по крайней мере, в 1-й Дом Советов. «Лоскутка» (Лоскутная гостиница), в которой я живу, – настоящий проходной двор. Туда входит кто хочет. Теперь на «органах безопасности» лежит задача охранять мою драгоценную персону. Это легко сделать в Кремле, куда люди входят только по выполнении ряда формальностей и под строгим контролем. В 1-м Доме Советов тоже

есть комендатура, и тот, кто хочет к вам пройти, должен позвонить к вам из комендатуры и получить пропуск, а при выходе предъявить его в комендатуру с вашей отметкой. Довольно серьезно звучит еще аргумент, что я могу брать на дом иную срочную работу, а это все – чрезвычайно секретные документы Политбюро. «Лоскутка» для этого никак не подходит. Я соглашаюсь, но в Кремль я не хочу – там каждый ваш шаг на учете, там вы чихнуть не можете так, чтобы ГПУ этого не знало. В 1-м Доме Советов все же немного свободнее. Я переселяюсь в 1-й Дом Советов. Там же живут и Каганович, и Каннер, и Мехлис, и Товстуха.

ЦК партии, бывший в 1922 году и первую половину 1923 года на Воздвиженке, переезжает теперь в огромный дом на Старой площади, 5-й этаж дома отведен для секретарей ЦК и наших секретных служб. Поднявшись на 5-й этаж, можно пойти по коридору направо – здесь Сталин, его помощники и секретариат Политбюро; пойти же по коридору налево – здесь Молотов и Рудзутак, их помощники и секретариат оргбюро. Если пойти по первому правому коридору, первая дверь налево ведет в бюро Каннера и Мехлиса. Только через него можно попасть в кабинет Сталина, и то не прямо, а пройдя сквозь комнату, где дежурит курьер (это крупная женщина, чекистка Нина Фоменко). Дальше идет кабинет Сталина. Пройдя его насквозь, попадаешь в обширную комнату, служащую для совещаний Сталина и Молотова. Сейчас же за ней кабинет Молотова. Сталин и Молотов много раз в течение дня встречаются и совещаются в этой средней комнате.

В кабинет Сталина можно войти только по докладу Мехлиса. Курьерша входит, только если Сталин вызывает звонком. Каннер или Товстуха, если им нужно видеть Сталина, спрашивают его предварительно по телефону, можно ли к нему. Только два человека имеют право входа к Сталину без доклада: я и Мехлис. Мехлис как личный секретарь. Я – потому что мне все время надо видеть Сталина по делам Политбюро, а дела Политбюро считаются самыми важными и срочными. Я вхожу к Сталину, кто бы у него ни был, что бы он ни делал, и прямо обращаюсь к нему. Он прерывает свои разговоры или свое заседание и занимается тем, что я ему приношу, – дела Политбюро срочнее всех других. Но это мое право и по отношению ко всем секретарям ЦК, и всем советским вельможам. Когда нужно, я вхожу на любое заседание (скажем, например, официального правительства, Совнаркома) или в кабинет любого министра, не ожидая и не докладываясь, и прямо обращаюсь к нему, что бы он ни делал, прерывая его. Это моя прерогатива как секретаря Политбюро – я прихожу только по делам Политбюро, а более важных и срочных нет.

В первые дни моей работы я десятки раз в день хожу к Сталину докладывать ему полученные для Политбюро бумаги. Я очень быстро замечаю, что ни содержание, ни судьба этих бумаг совершенно его не интересуют. Когда я его спрашиваю, что надо делать по этому вопросу, он отвечает: «А что, по-вашему, надо делать?» Я отвечаю – по-моему, то-то: внести на обсуждение Политбюро, или передать в какую-то комиссию ЦК, или считать вопрос недостаточно проработанным и согласованным и предложить ведомству его согласовать сначала с другими заинтересованными ведомствами и т. д. Сталин сейчас же соглашается: «Хорошо, так и сделайте». Очень скоро я прихожу к убеждению, что я хожу к нему зря и что мне надо проявлять больше инициативы. Так я и делаю. В секретариате Сталина мне разъясняют, что Сталин никаких бумаг не читает и никакими делами не интересуется. Меня начинает занимать вопрос, чем же он интересуется.

В ближайшие дни я получаю неожиданный ответ на этот вопрос. Я вхожу к Сталину с каким-то срочным делом как всегда, без доклада. Я застаю Сталина говорящим по телефону. То есть не говорящим, а слушающим – он держит телефонную трубку и слушает. Не хочу его прерывать, дело у меня срочное, вежливо жду, когда он кончит. Это длится некоторое время. Сталин слушает и ничего не говорит. Я стою и жду. Наконец я с удивлением замечаю, что на всех четырех телефонных аппаратах, которые стоят на столе Сталина, трубка лежит, и он держит у уха трубку от какого-то непонятного и мне неизвестного телефона, шнур от

которого идет почему-то в ящик сталинского стола. Я еще раз смотрю. Все четыре сталинских телефона: этот – внутренний цекистский для разговоров внутри ЦК, здесь вас соединяет телефонистка ЦК; вот «Верхний Кремль» – это телефон для разговоров через коммутатор «Верхнего Кремля»; вот «Нижний Кремль» – тоже для разговоров через коммутатор «Нижнего Кремля»; по обоим этим телефонам вы можете разговаривать с очень ответственными работниками или с их семьями. «Верхний» соединяет больше служебные кабинеты, «Нижний» – больше квартиры; соединение происходит через коммутаторы, обслуживаемые телефонистками, которые все подобраны ГПУ и служат в ГПУ.

Наконец, четвертый телефон – «вертушка». Это телефон автоматический с очень ограниченным числом абонентов (60, потом 80, потом больше). Его завели по требованию Ленина, который находил опасным, что секретные и очень важные разговоры ведутся по телефону, который всегда может подслушивать соединяющая телефонная барышня. Для разговоров исключительно между членами правительства была установлена специальная автоматическая станция без всякого обслуживания телефонистками. Таким образом, секретность важных разговоров была обеспечена. Эта «вертушка» стала, между прочим, и самым важным признаком вашей принадлежности к высшей власти. Ее ставят только у членов ЦК, наркомов, их заместителей, понятно, у всех членов и кандидатов Политбюро; у всех этих лиц в их кабинетах. Но у членов Политбюро также и на их квартирах.

Итак, ни по одному из этих телефонов Сталин не говорит. Мне нужно всего несколько секунд, чтобы, это заметить и сообразить, что у Сталина в его письменном столе есть какая-то центральная станция, при помощи которой он может включиться и подслушать любой разговор, конечно, «вертушек». Члены правительства, говорящие по «вертушкам», все твердо уверены, что их подслушать нельзя – телефон автоматический. Говорят они поэтому совершенно откровенно, и так можно узнать все их секреты.

Сталин подымает голову и смотрит мне прямо в глаза тяжелым пристальным взглядом. Понимаю ли я, что я открыл? Конечно, понимаю, и Сталин это видит. С другой стороны, так как я вхожу к нему без доклада много раз в день, рано или поздно эту механику я должен открыть, не могу не открыть. Взгляд Сталина спрашивает меня, понимаю ли я, какие последствия вытекают из этого открытия для меня лично. Конечно, понимаю. В деле борьбы Сталина за власть этот секрет – один из самых важных: он дает Сталину возможность, подслушивая разговоры всех Троцких, Зиновьевых и Каменевых между собой, всегда быть в курсе всего, что они затевают, что они думают, а это – оружие колоссальной важности. Сталин среди них один зрячий, а они все слепые. И они не подозревают, и годами не будут подозревать, что он всегда знает все их мысли, все их планы, все их комбинации, и все, что они о нем думают, и все, что они против него затевают. Это для него одно из важнейших условий победы в борьбе за власть. Понятно, что за малейшее лишнее слово по поводу этого секрета Сталин меня уничтожит мгновенно.

Я смотрю тоже Сталину прямо в глаза. Мы ничего не говорим, но все понятно и без слов. Наконец я делаю вид, что не хочу его отвлекать с моей бумагой и ухожу. Наверное, Сталин считает, что секрет я буду хранить.

Обдумав все это дело, я прихожу к выводу, что есть во всяком случае еще один человек, Мехлис, который тоже не может не быть в курсе дела – он тоже входит к Сталину без доклада. Выбрав подходящий момент, я ему говорю, что я, так же, как и он, знаю этот секрет, и только мы его, очевидно, и знаем. Мехлис, конечно, ожидал, что я рано или поздно буду знать. Но он меня поправляет: кроме нас знает и еще кто-то: тот, кто всю эту комбинацию технически организовал. Это – Гриша Каннер. Теперь между собой уже троим мы говорим об этом свободно, как о нашем общем секрете. Я любопытствую, как Каннер это организовал. Он сначала отнекивается и отшучивается, но бахвальство берет верх, и он начинает рассказывать. Постепенно я выясняю картину во всех подробностях.

Когда Ленин подал мысль об устройстве автоматической сети «вертушек», Сталин берется за осуществление мысли. Так как больше всего «вертушек» надо ставить в здании ЦК (трем секретарям ЦК, секретарям Политбюро и оргбюро, главным помощникам секретарей ЦК и заведующим важнейшими отделами ЦК), то центральная станция будет поставлена в здании ЦК. И так как центр сети технически целесообразнее всего ставить в том пункте, где сгруппировано больше всего абонентов (а их больше всего на 5-м этаже – три секретаря ЦК, секретари Политбюро и оргбюро, Назаретян, Васильевский – уже семь аппаратов), то он ставится здесь, на 5-м этаже, где-то недалеко от кабинета Сталина.

Всю установку делает чехословацкий коммунист – специалист по автоматической телефонии. Конечно, кроме всех линий и аппаратов Каннер приказывает ему сделать и контрольный пост, «чтобы можно было в случае порчи и плохого функционирования контролировать линии и обнаруживать места порчи». Такой контрольный пост, при помощи которого можно включаться в любую линию и слушать любой разговор, был сделан. Не знаю, кто поместил его в ящик стола Сталина – сам ли Каннер или тот же чехословацкий коммунист. Но как только вся установка была кончена и заработала, Каннер позвонил в ГПУ Ягоде от имени Сталина и сообщил, что Политбюро получило от чехословацкой компартии точные данные и доказательства, что чехословацкий техник – шпион. Зная это, ему дали закончить его работу по установке автоматической станции; теперь же его надлежит немедленно арестовать и расстрелять. Соответствующие документы ГПУ получит дополнительно.

В это время ГПУ расстреливало «шпионов» без малейшего стеснения. Ягоду смутило все же, что речь идет о коммунисте – не было бы потом неприятностей. Он на всякий случай позвонил Сталину. Сталин подтвердил. Чехословацкого коммуниста немедленно расстреляли. Никаких документов Ягода не получил и через несколько дней позвонил Каннеру. Каннер сказал ему, что дело не кончено – шпионы и враги проникли в верхушку чехословацкой компартии; материалы по этому поводу продолжают быть чрезвычайно секретными и не выйдут из архивов Политбюро.

Ягода этим объяснением удовлетворился. Нечего и говорить, что обвинения были полностью выдуманы и никаких бумаг в архивах Политбюро по этому делу не было.

Передо мной встает проблема. Что я должен делать? Я – член партии. Я знаю, что один член Политбюро имеет возможность шпионить за другими членами Политбюро. Должен ли я предупредить этих остальных членов Политбюро?

Какие последствия это будет иметь для меня лично, не представляет для меня никаких сомнений. Погибну ли я жертвой «несчастливого случая» или ГПУ для Сталина смастерит обо мне дело, что я диверсант и агент английского империализма, Сталин во всяком случае со мной расправится. Для большой цели можно жертвовать собой. Стоит ли для этого? То есть для того, чтобы помешать одному члену Политбюро подслушивать разговоры других? Я решаю, что здесь не надо торопиться. Сталинский секрет я знаю: раскрыть его я всегда успею, если это будет очень важно. Пока я этой важности не чувствую – полгода пребывания в оргбюро унесли у меня уже немало иллюзий; я уже хорошо вижу, что идет борьба за власть, и довольно беспринципная; ни к одному из борющихся за власть я особых симпатий не чувствую. И, наконец, если Сталин подслушивает Зиновьева, то, может быть, Зиновьев каким-то образом в свою очередь подслушивает Сталина. Кто его знает? Я решаю: подождем, увидим.

Первое время моей работы секретарем Политбюро я чрезвычайно занят реорганизацией моего секретариата. Разбирая разные бумаги Политбюро, мимоходом наталкиваюсь на следы удивительных и интересных дел.

Вот, например, доклады ГПУ о постоянно производимых и тем не менее безрезультатных поисках. Не без труда добираюсь до смысла дела. Оказывается, по окончании Гражданской войны Политбюро, с одной стороны, констатировало, что решающую роль в ней сыграла конница, и следует уделить очень большое внимание ее улучшению. С другой сто-

роны – что во время Гражданской войны коннозаводство в Советской России было полностью разрушено, поголовье конских заводов, и в том числе лучшие племенные производители, были полностью реквизированы воинскими частями и большей частью погибли на фронтах. Чтобы отремонтировать конницу, нужно было начинать с приобретения племенных жеребцов, чтобы восстановить коннозаводство. Но в это время – конец 1920 года, начало 1921 года – никакие страны советскую власть еще не признавали, никакой нормальной торговли с границей не было, никаких сумм для покупок за границей нельзя было депозитировать в зарубежных банках – на них сейчас бы был наложен арест по жалобам иностранцев, ограбленных большевистской революцией. Как быть? Не без труда был найден способ. Через темных дельцов, через которых сбывались за границу драгоценности, происходившие от ограбления советской властью всяких буржуев, удалось наладить нужную линию. Можно было закупить нужных жеребцов в Аргентине будто бы шведским коннозаводчиком, перевезти их нормально в Швецию на север, близ советской плохо охраняемой границы и там переправить их в Советскую Россию. Было выделено на эту операцию 7 миллионов долларов в американской валюте. Но так как операцию нельзя было вести через банки, надо было перевезти всю эту валюту в Аргентину. Доверить эту сумму темным дельцам было нельзя. Политбюро решило выделить старого большевика, не то члена, не то кандидата в члены ЦК, пользовавшегося полным доверием. Ему были изготовлены все нужные (фальшивые) документы, длинная цепь охраны и сопровождения из агентов иностранного отдела ГПУ, и доллары ему были вручены в крупных купюрах. Он выехал со своими долларами и на каком-то этапе пути вдруг исчез. Тщательное расследование ГПУ привело к полному убеждению, что он не пал жертвой несчастного случая или бандитизма. Было неоспоримо доказано, что он основательно подготовил свое исчезновение и сбежал со своими долларами. Политбюро приказало найти его во что бы то ни стало и сколько бы это ни стоило. Но никакие розыски не дали никаких результатов. Пропал, как в воду канул. В отчетах ГПУ он фигурировал под какой-то условной кличкой. В конце концов я мог бы установить его настоящее имя, основательно порывшись в архивах Политбюро, но для этого у меня не было времени.

Я решил, что я всегда успею установить, кто из старых очень крупных большевиков перестал с этой даты фигурировать в большевистской верхушке, во всех отчетах, списках членов ЦК и т. д. Но так этим и не занялся. Предоставляю решить эту загадку одному из историков партии или «кремленологов».

Заседания Политбюро происходили обычно в зале заседаний Совнаркома СССР. Почти во всю длину длинного, но не широкого зала тянется стол, вернее, два, так как посередине его проход. Стол покрыт красным сукном. В одном конце стола кресло председателя. Здесь заседал всегда Ленин. Теперь в этом кресле сидит Каменев, который председательствует на заседаниях Политбюро. Члены Политбюро сидят по обе стороны стола лицом друг к другу. По левую руку от Каменева – Сталин. По правую – Зиновьев. Между Каменевым и Зиновьевым к концу стола приставлен небольшой столик; за ним сижу я. На столике у меня телефон, которым я связан с моим персоналом, находящимся в соседнем зале, где ждут вызванные к заседанию Политбюро. Когда меня вызывает помощница, у меня вспыхивает лампочка. Я ей говорю, кого впустить в зал заседаний по каждому пункту повестки. Постановления Политбюро, которые я записываю на отдельных карточках, я передаю через стол сидящему напротив меня Сталину. Он просматривает и обычно возвращает мне – это значит: «нет возражений». Если вопрос очень важен и сложен, он передаст мне карточку через Каменева, который просматривает и ставит птичку («согласен»).

За Сталиным и Зиновьевым сидят остальные члены Политбюро. Обычно рядом с Зиновьевым Бухарин, за ним Молотов (он – кандидат), за ним Томский. За Сталиным Рыков, за ним обычно Цюрупа – он не член Политбюро, но он заместитель председателя Совнаркома и член ЦК: еще с Ленина повелось, что он всегда участвует в заседаниях Политбюро скорее

для того, чтобы быть в курсе решений, чем с правом совещательного голоса; правда, выступает он редко, больше слушает. За ним Троцкий. Калинин то за ним, то за Томским. В самом конце зала закрытая дверь в соседний зал.

Соседний зал, в котором ждут вызванные, полон народу. Здесь всегда почти все правительство (наркомы и их заместители) в полном составе. На обычном заседании Политбюро обсуждается добрая сотня вопросов, касающихся почти всех ведомств. Все вызванные ходят, разговаривают, курят, слушают анекдоты, которые сочиняет и рассказывает им Радек, и пользуются случаем для обсуждения и решения всяких междуведомственных дел. На заседание впускаются только лица, вызванные по данному вопросу. Входят в зал рысцой – время Политбюро дорого. Вопрос окончен – вызванные по нему без церемонии выставляются из зала заседаний.

Каменев председательствует превосходно. Очень хорошо руководит прениями, прерывает лишние разговоры, быстро приходит к решению. Перед ним хронометр; на листе бумаги он отмечает время, отпускаемое каждому оратору, время начала выступления и конца. Сталин никогда не председательствует – он и не был бы способен это делать. На заседании члены Политбюро все время обмениваются записочками на особых маленьких бланках, озаглавленных «К заседанию Политбюро».

Всегда хорошо запоминается что-то новое. О большинстве из сотен заседаний Политбюро, на которых я секретарствовал, мне трудно что-либо вспомнить – стало рутиной. Но первое заседание вижу ясно.

Заседание назначено на десять часов. Без десяти десять я на месте, проверяю, все ли в порядке, снабжены ли члены Политбюро нужными материалами. Без одной минуты десять с военной точностью входит Троцкий и садится на свое место. Члены тройки входят через три-четыре минуты один за другим – они, видимо, перед входом о чем-то совещались. Первым входит Зиновьев, он не смотрит в сторону Троцкого, и Троцкий тоже делает вид, что его не видит, и рассматривает бумаги. Третьим входит Сталин. Он направляется прямо к Троцкому и размашистым широким жестом дружелюбно пожимает ему руку. Я ясно ощущаю фальшь и ложь этого жеста; Сталин – ярый враг Троцкого и его терпеть не может. Я вспоминаю Ленина: «Не верьте Сталину: пойдет на гнилой компромисс и обманет». Но мне еще придется много вещей узнать о моем патроне.

То, что члены тройки на заседании сидят в конце стола рядом друг с другом, чрезвычайно облегчает им технику согласования совместных решений – обмен записочками, текст которых остальные члены Политбюро практически не видят, и замечаниями вполголоса, взаимная поддержка – пока тройка работает в полном согласии, и механизм ее не имеет перебоев.

Каменев не только хорошо ведет заседания, он поддерживает живой тон, часто острит; кажется, этот тон идет еще со времен Ленина. Зиновьев полулежит в своем кресле, часто запускает руку в шевелюру сомнительной чистоты, вид у него скучающий и не очень довольный. Сталин курит трубку, часто поднимается и ходит вдоль стола, останавливаясь перед ораторами. Говорит мало.

Глава 5

Наблюдения секретаря политбюро

Германская революция. Расширение Реввоенсовета. Свобода внутри партии. Партийный бюрократизм и маневры вокруг него. Дискуссия. Правая оппозиция и левый Троцкий. Метод Сталина. Сталин — антисемит. Поскребышев

Недели через две после начала моей работы в Политбюро, 23 августа 1923 года, я секретарствую на особом, чрезвычайно секретном заседании Политбюро, посвященном только одному вопросу – о революции в Германии. На заседании присутствуют члены и кандидаты Политбюро, и кроме того Радек, Пятаков и Цюрупа. Радек, член исполкома Коминтерна, делает доклад о быстро растущей революционной волне в Германии. Первым после него берет слово Троцкий. «Хронически воспаленный Лев Давыдович», как называют его злые языки, чувствует себя в своей стихии и произносит сильную речь, полную энтузиазма.

– Вот, товарищи, наконец, эта буря, которую мы столько лет ждали с нетерпением и которая призвана изменить лицо мира. События, которые идут, будут иметь колоссальное значение. Германская революция – это крушение капиталистического мира. Но надо видеть действительность, как она есть. Для нас это игра ва-банк. Мы должны поставить на карту не только судьбу германской революции, но и существование Советского Союза. Если германская революция удастся, капиталистическая Европа не сможет ее допустить и попытается раздавить ее силой оружия. Мы со своей стороны должны бросить в борьбу все наши силы, так как исход борьбы решит все. Или мы выиграем, и победа мировой революции обеспечена, или мы проиграем, и тогда проиграем и первое пролетарское государство в мире, и нашу власть в России. Значит, мы должны проявить огромную энергию.

Мы слишком запоздали с нашей подготовкой. Германская революция идет. Не слышите ли вы ее железную поступь? Не чувствуете ли вы, как высоко поднялась волна? Надо спешить, чтобы катаклизм не застал нас врасплох. Не чувствуете ли вы, что это уже вопрос недель?

Политбюро ничуть не разделяло энтузиазма Троцкого. Нет, они всего этого не видели и не чувствовали. Конечно, они были согласны, что германская революция – дело очень серьезное, но совсем не согласны с тем, чтобы связать успех германской революции с самим существованием советской власти в России. И потом, действительно ли события в Германии стоят уже на повестке дня?

Зиновьев этого совсем не думает. Вопрос недель? Как всегда, темперамент товарища Троцкого его увлекает в сторону от реальности. Хорошо, если это вопрос месяцев: и вообще, в таких важных вещах надо быть осторожным и действовать обдуманно. Сталин, не выходя из общих и неопределенных фраз, добавил в том же духе, что пока ни о какой революции в Германии говорить не приходится. Этой осенью? Хорошо, если революционная ситуация разовьется к весне.

Но тройка, стараясь подчеркнуть, что она совсем не согласна с прогнозами Троцкого и, во всяком случае, на поводу у него не пойдет, все же почувствовала, что революционная волна в Германии поднимается, и был решен ряд мер для ее всяческого развития.

Была создана комиссия ЦК из четырех членов для руководства всей работой по германской революции. В нее входили Радек, Пятаков, заместитель председателя Высшего совета народного хозяйства, Уншлихт, заместитель председателя ГПУ, и Вася Шмидт, нарком Труда.

Они сейчас же отправились в Германию с фальшивыми паспортами в порядке подпольной работы.

Функции среди них были распределены так. Радек должен был руководить Центральным комитетом Германской компартии, передавая ему директивы Москвы как директивы Коминтерна. Шмидт (немец по происхождению) должен был руководить организацией революционных ячеек в профессиональных союзах, то есть тех заводских комитетов, которые после переворота должны были стать советами и на своем чрезвычайном конгрессе должны были провозгласить советскую власть в Германии. На Пятакова была возложена общая координация всей работы и связь с Москвой. На Уншлихта была возложена организация отрядов вооруженного восстания для переворота, их рекрутирование и снабжение оружием. На него же была возложена организация германской чеки для истребления буржуазии и противников революции после переворота. Наконец, на посла в Берлине Крестинского было возложено финансирование германской революции из коммерческих фондов Госбанка, депозированных в Берлине для коммерческих операций.

В первых же докладах из Берлина Пятаков донес о низком качестве руководства германской компартии. По его мнению, ни в смысле организационном, ни политическом лидеры компартии были далеко не на высоте положения. Их вызвали в Москву. На Политбюро их не пускали, ими занимались Зиновьев и Бухарин. Дело осложнилось тем, что кроме официального руководства (группы Брандлера), подобранного Коминтерном, в верхах германской компартии была другая группа, имевшая по существу больше веса – группа Маслова – Рут Фишер. Она держала себя по отношению к возглавлению Коминтерна очень независимо. Зиновьеву это чрезвычайно не нравилось, и он ставил на Политбюро вопрос даже так, что надо предъявить Маслову ультиматум: или он получит большую сумму денег, выйдет из партии и уедет из Германии, или Уншлихту будет дан приказ его ликвидировать. Но Маслов держался твердо и ни на какие компромиссы не шел.

Пока шли все эти торги, начало выясняться, что германская компартия совершенно не подготовлена к быстрым и решительным действиям, и работа ее хромает на все четыре ноги. Наоборот, аппарат полпредства, консульств и торгпредства в Германии действовал быстро и образцово, развертывая чрезвычайно активную и плодотворную работу. Политбюро перенесло центр тяжести на него. Полпред в Германии Крестинский был включен пятым членом в комиссию ЦК. Полпредство и торгпредство занялись и покупкой, и транспортом оружия, и организационной работой. В России была произведена мобилизация всех коммунистов немецкого происхождения или говорящих по-немецки, и их отправляли в Германию на подпольную работу.

Доклады Пятакова становились все более оптимистичными. Чрезвычайно ухудшавшееся экономическое положение Германии возбуждало все большее недовольство рабочих масс. Умелая и широкая пропаганда подливала масла в огонь, и революционная волна быстро росла. Политбюро собиралось все чаще, чтобы обсуждать разнообразные практические вопросы революционной работы. Доклады Пятакова были точны и подробны. Средства ассигновались огромные – решено средств не жалеть. Первоначальная оппозиция тройки Троцкому была забыта – теперь все были согласны, что германская революция на носу.

В конце сентября состоялось чрезвычайное заседание Политбюро, настолько секретное, что на него были созваны только члены Политбюро и я. Никто из членов ЦК на него допущен не был. Оно было созвано для того, чтобы фиксировать дату переворота в Германии. Он был назначен на 9 ноября 1923 года.

План переворота был таков. По случаю годовщины русской октябрьской революции рабочие массы должны были выйти на улицу на массовые манифестации. Красные сотни Уншлихта должны были провоцировать вооруженные конфликты с полицией, чтобы вызвать

кровавые столкновения и репрессии, раздуть негодование рабочих масс и произвести общее рабочее восстание.

По заранее разработанному плану отряды Уншлихта должны были занять важнейшие государственные учреждения. Должно было быть создано советское революционное правительство из членов ЦК германской компартии; вслед за тем экстренный конгресс заводских комитетов должен был провозгласить советскую власть.

Решение о дате переворота не должно было быть известно никому даже из членов Центрального комитета партии. Я изготовил протокол заседания в такой форме:

Слушали:

Постановили:

Вопрос т. Зиновьева.

См. особую папку.

Это – все, что было сообщено членам ЦК как протокол заседания Политбюро. Все же принятые решения я записал как постановление Политбюро и поместил в мою «особую папку».

Несколько слов об «особой папке». В моем кабинете находился несгораемый сейф, единственный ключ от которого был у меня. В сейфе хранились особо секретные постановления Политбюро, которые должны были быть известны только членам Политбюро. Члены ЦК, которые хотели бы с ними ознакомиться, должны были просить на это разрешения Политбюро, и только с этого разрешения я мог показать им соответствующее постановление. Надо сказать, что за все время моей работы в Политбюро такого случая не было.

Но германская революция 1923 года не удалась. В октябре стало ясно, что за подготовку взялись слишком поздно, что сроки были рассчитаны плохо, что революционная волна в своем апогее и начинает идти на убыль, а нужная организационная и пропагандистская работа требуют еще по крайней мере двух-трех месяцев. Скоро революционная волна начала спадать так быстро, что Политбюро должно было констатировать, что шансов на переворот практически нет и что его надо отложить до лучших времен. Троцкий сделал ряд острых критических замечаний насчет того, что Зиновьев и Коминтерн все проглядели и занялись всем слишком поздно, а Зиновьев и Сталин отделались разговорами о том, что Троцкий переоценил остроту революционной ситуации и что в конце концов правы оказались они. В Коминтерне всю вину возложили на неспособное руководство группы Брандлера, и после долгой внутренней грызни в апреле 1924 года объявили группу Брандлера «правой» и исключили ее из партии. Руководство немецкой компартией было передано группе Маслова – Рут Фишер. Но затем в борьбе тройки с Троцким эта группа склонилась на сторону Троцкого, и ее скоро объявили троцкистской и от руководства компартией не без труда отстранили. В 1927 году она окончательно возглавила троцкистскую организацию в Германии.

В сентябре тройка решила нанести первый серьезный удар Троцкому. С начала Гражданской войны Троцкий был организатором и бессменным руководителем Красной армии и занимал пост народного комиссара по военным делам и председателя Реввоенсовета республики. Тройка наметила его отстранение от Красной армии в три этапа. Сначала должен быть расширен состав Реввоенсовета, который должен был быть заполнен противниками Троцкого так, чтобы он оказался в Реввоенсовете в меньшинстве. На втором этапе должно было быть перестроено управление Военного Министерства, снят заместитель Троцкого Скиянский и на его место назначен Фрунзе. Наконец, третий этап – снятие Троцкого с поста Наркомвоенна.

23 сентября на пленуме ЦК тройка предложила расширить состав Реввоенсовета. Новые введенные в него члены были все противниками Троцкого. В числе нововведенных был и Сталин. Значение этой меры было для Троцкого совершенно ясно. Он произнес громкую речь: предлагаемая мера – новое звено в цепи закулисных интриг, которые ведутся против него и имеют конечной целью устранение его от руководства революцией. Не имея никакого желания вести борьбу с этими интригами и желая только одного – служить делу революции, он предлагает Центральному комитету освободить его от всех его чинов и званий и позволить пойти простым солдатом в назревающую германскую революцию. Он надеется, что хоть в этом ему не будет отказано.

Все это звучало громко и для тройки было довольно неудобно. Слово берет Зиновьев с явным намерением придать всему оттенок фарса и предлагает его также освободить от всех должностей и почестей и отправить вместе с Троцким солдатами германской революции. Сталин, окончательно превращая все это в комедию, торжественно заявляет, что ни в коем случае Центральный комитет не может согласиться рисковать двумя такими драгоценными жизнями и просит Центральный комитет не отпускать в Германию своих «любимых вождей». Сейчас же это предложение было самым серьезным образом проголосовано. Все принимало характер хорошо разыгрываемой пьесы, но тут взял слово «голос из народа», ленинградский цекист Комаров с нарочито пролетарскими манерами. «Не понимаю только одного, почему товарищ Троцкий так кочевряжится». Вот это «кочевряжится» окончательно взорвало Троцкого. Он вскочил и заявил: «Прошу вычеркнуть меня из числа актеров этой унижительной комедии». И бросился к выходу.

Это был разрыв. В зале царила тишина исторического момента. Но полный негодования Троцкий решил для вящего эффекта, уходя, хлопнуть дверью.

Заседание происходило в Тронном зале Царского Дворца. Дверь зала огромная, железная и массивная. Чтоб ее открыть, Троцкий потянул ее из всех сил. Дверь поплыла медленно и торжественно. В этот момент следовало сообразить, что есть двери, которыми хлопнуть нельзя. Но Троцкий в своем возбуждении этого не заметил и старался из всех сил ею хлопнуть. Чтобы закрыться, дверь поплыла так же медленно и торжественно. Замысел был такой: великий вождь революции разорвал со своими коварными клеветами и, чтобы подчеркнуть разрыв, покидая их, в сердцах хлопает дверью. А получилось так: крайне раздраженный человек с козлиной бородкой барахтается на дверной ручке в непосильной борьбе с тяжелой и тупой дверью. Получилось нехорошо.

С этого решения пленума о Реввоенсовете борьба между тройкой и Троцким вступает в открытую фазу. Эта борьба была основным занятием тройки в последние месяцы 1923 года. Главные политические документы этой эпохи посвящены этой борьбе и ее отражают. Поэтому и позднейшие историки партии понимают внутривнутрипартийные события этого времени как борьбу большинства Центрального комитета с оппозицией и оппозицией именно троцкистской. Действительность была совсем иной, и она была много сложнее.

Чтобы понять историческую истину того времени, надо сделать несколько предварительных пояснений.

Нэп, то есть отступление Ленина от коммунизма к некоторой практике свободного рынка и появлению стимула свободного хозяйствования, привел к быстрому улучшению условий жизни. Крестьяне снова начали сеять, частная торговля и кустарничество начали доставлять на рынок давно исчезнувшие товары, страна начала оживать. Начавшаяся денежная реформа вела к замене ничего не стоивших миллиардов солидным и твердым червонным рублем. Но казенное и бюрократическое администрирование, привыкшее к командованию времен вчерашнего интегрального коммунизма, не поспевало за жизнью. В частности, снабжение городов, рабочих и служащих было еще очень плохо. Недовольство рабочих, единственного класса, смевшего свое недовольство выражать, проявилось в волне забастовок,

которые прошли летом 1923 года. Это сейчас же отразилось созданием в партии «Рабочей правды» и «Рабочей группы» Богданова и Г. Мясникова. Эти группы обвинили партийный аппарат в бюрократическом перерождении и в полном равнодушии к интересам рабочих.

В это время политическая жизнь не выходила из рамок партии. Страна была разделена на два лагеря. Один – огромная беспартийная масса, совершенно бесправная и целиком отданная во власть ГПУ. Эта масса была раздавлена диктатурой, сознавала, что не имеет никаких прав не только ни на какую-либо политическую жизнь, но даже и на какое-либо правосудие. Идея правосудия была упразднена. Был суд, рассматриваемый как орудие диктатуры и руководившийся в теории классовым сознанием и нуждами классовой борьбы, а на практике полным произволом мелких партийных сатрапов. И то этот жалкий суд имел отношение только к мелким бытовым и уголовным делам. Во всем же главном и основном, рассматриваемом как область политическая, «сфера классовой борьбы», царил полный произвол органов ГПУ, которые могли арестовать кого угодно по каким-то только ГПУ известным подозрениям, расстрелять человека по решению какой-то никому не известной «тройки» или по ее безапелляционному постановлению загнать его на 10 лет истребительной каторги, официально называемой «концентрационным лагерем». Все население дрожало от страха перед этой организацией давящего террора.

Наоборот, во втором лагере, состоявшем из нескольких сот тысяч членов коммунистической партии, царила довольно большая свобода. Можно было иметь свое мнение, не соглашаться с правящими органами, оспаривать их решения.

Эта «внутрипартийная демократия» шла еще от дореволюционных времен, когда она была явлением нормальным для партии, участие в которой было делом свободного желания ее членов. В эти дореволюционные времена в партии тоже шла жестокая борьба за руководство, которое, кстати, обеспечивало право распоряжаться партийной кассой и право обладания органами печати партии. Никакого ГПУ еще не было, нужно было пытаться выиграть убеждением. Это даже Ленину далеко не всегда удавалось, хотя партия (и ее основной характер – партии профессиональных революционеров) были детищем Ленина. Не раз Ленин оставался в меньшинстве (и терял и кассу, и партийную прессу) и с большим трудом и проведением трудных и не всегда красивых комбинаций должен был снова их отвоевывать. Но эта свободная борьба внутри партии создала длительную привычку внутрипартийной свободы, которая еще продолжалась (она исчезнет лишь через несколько лет, когда Сталин возьмет все в свои руки).

С другой стороны, так как политическая жизнь была возможна только внутри партии, то социальные процессы, происходившие в стране, могли выявиться наружу лишь косвенным путем, через влияние и давление беспартийной массы и ее жизни на членов партии. Это было сравнительно нетрудно во влиянии рабочих слоев, так как проникнутая марксистской фразеологией партия постоянно искала контакта с рабочими. Отсюда довольно быстрое проникновение и оживление в начале осени 1923 года групп разной «рабочей оппозиции» в партии. Отсюда же довольно живая реакция на них партийного руководства. Опасаясь, чтобы Троцкий не завладел этой оппозицией, члены большинства ЦК постарались захватить инициативу. Троцкий на заседаниях Политбюро начал свирепо атаковать партийную бюрократию. Хорошо помню сцену, как глядя в упор на Молотова, сидевшего против него по другую сторону стола, Троцкий пустился в острую филиппику против «бездушных партийных бюрократов, которые каменными задами душат всякое проявление свободной инициативы и творчества трудящихся масс». Молотову имя которого Троцкий не называл, надо было смолчать и сделать вид, что речь идет совсем не о нем, и еще лучше одобрительно кивать головой. Вместо этого он, поправляя пенсне и заикаясь, сказал: «Не всем же быть гениями, товарищ Троцкий».

Зрелище было жалкое; мне было неловко за Молотова. Кстати, как пишется история: в 1929 году, очутившись за границей, я эту сцену описал в печати; каково было мое удивление, когда в 1932 году в книжке «Советские портреты» Дмитриевского, советского дипломата, бежавшего от Советов, был приведен весь мой текст, но вслед за этим по Дмитриевскому Молотов принял вызов. Спокойно улыбнулся. Тихо, как всегда, немного заикаясь, сказал: «Не всем быть гениями, товарищ Троцкий; а сильнейший всегда тот, кто побеждает».

Конечно, ничего подобного Молотов не добавлял, но для Дмитриевского 1932 года Троцкий был фанатический и исступленный еврейский революционер, а Молотов – твердый и превосходный руководитель нового курса России, будто бы вступившей на путь патриотизма и национализма; откуда это вымышленное добавление.

Чтобы завладеть инициативой, большинство Политбюро торжественно осудило бюрократизм в партии и немедленно создало комиссию во главе с Дзержинским, которая должна была разобрать вопросы о бюрократизме в партии, и об источниках недовольства трудящихся масс. На сентябрьском пленуме ЦК комиссия Дзержинского сделала доклад о внутрипартийной политике, сведя вопрос о бюрократии к тому, что во многих партийных организациях господствует «назначенство» вместо выборов.

Более серьезен был ее доклад о «ножницах цен». Партия установила слишком высокие цены на промышленные товары и слишком низкие на сельскохозяйственные продукты. Это была политика восстановления и стройки промышленности за счет крестьянства. Она вызвала резкое недовольство крестьянства, которое чувствовало себя обманутым: ему дали свободу продавать свои излишки на рынке, но государство, владевшее главной частью торгового аппарата, заставляло его продавать хлеб слишком дешево и платить за промышленные товары слишком дорого. Пленум поручил Политбюро принять «практические меры» по этому поводу (то есть от постановки всей большой проблемы на время отмахнулись).

8 октября Троцкий присылает в Политбюро письмо будто бы по этим экономическим вопросам. На самом деле суть письма была в острой атаке против партийной бюрократии и в констатировании того, что не партия принимает какие-либо решения, а что во всем командуют бюрократы – партийные секретари. Одновременно это письмо начало широко в партии распространяться сторонниками Троцкого. Тройка предпочла не выступать самой, а предписала послушной ЦКК запретить распространение письма Троцкого, что ЦКК и проделала 15 октября. Но 15 же октября в ЦК поступило так называемое «заявление 46» о внутрипартийном режиме. Это письмо шло от союза двух групп: старой группы децистов (демократического централизма), в которой наибольшую роль играли Осинский, В. Смирнов, Дробнис и Сапронов, и новой группы единомышленников Троцкого во главе с Пятаковым, Преображенским, Иосифом Коссиором и Белобородовым.

Собственно, в этих письмах и заявлениях ничего особенного не было, и они совсем не отражали процессов, происходивших в глубине партии. ЦК решил от них отделаться резолюцией, и в конце октября Пленум ЦК, осудив их решил, что дискуссия в партии по всем этим вопросам нецелесообразна, а чтобы показать, что ЦК и сам прежде всего против бюрократизма, 5 ноября было созвано объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК, которое приняло единогласно резолюцию «о партийном строительстве», в которой торжественно провозглашалась преданность партийного руководства внутрипартийной демократии и так же торжественно осуждался бюрократизм в партии. Чтобы разъяснить все это партии, Зиновьев написал статью «Новые задачи партии», которая сводилась к разговорам об усилении внутрипартийной жизни и опубликовал ее в «Правде» от 7 ноября. Политбюро ожидало успокоения. Но вместо этого в партийных организациях начали происходить какие-то бурные и непонятные процессы. В частности во многих организациях столицы голосования происходили не в пользу ЦК, а против него. Тогда Политбюро в середине ноября решило

открыть партийную дискуссию и, сосредоточив энергичную кампанию против Троцкого, разгромить его и оппозицию.

Началась знаменитая «односторонняя дискуссия». И в статьях прессы, и в выступлениях на ячейках ЦК, мобилизовав все силы против Троцкого и его «троцкистской» оппозиции, обвинял их во всех смертных грехах. То, что казалось во всем этом наиболее удивительным, это то, что Троцкий молчал, в дискуссии участия не принимал и на все обвинения никак не отвечал. На заседаниях Политбюро он читал французские романы, и когда кто-либо из членов Политбюро к нему обращался, делал вид, что он этим чрезвычайно удивлен.

Эту загадку я, получая много самых разнообразных материалов о том, что происходило в партии, разгадал очень быстро. Дело было в том, что оппозиция осени 1923 года (так называемая первая оппозиция) была совсем не троцкистская. Вообще надо относиться чрезвычайно скептически к политическим контурам оппозиций всех этих годов. Обычно дело шло о борьбе за власть. Противник обвинялся в каком-то уклоне (правом, левом, кулацком, недооценке чего-то, переоценке, забвении чего-то, отступлении от заветов Ильича и т. д.), а на самом деле все это было выдуманно и раздуто: победив противника, сейчас же без всякого стеснения принималась его политика (которая только что объявлялась преступной, меньшевистской, кулацкой и т. д.). Вообще говоря, Троцкий был, так сказать, «левее», чем ЦК, то есть был более последовательным коммунистом. Между тем ЦК приклеило его к оппозиции «правой». Эта правая оппозиция представляла нечто вроде неудавшегося идейного термидора, реакции совершенно стихийной, развившейся внутри партии спонтанно, без программы, без вождей. Ни Троцкий, ни 46, ни рабочие оппозиции ее никак не выражали. Это была оппозиция коммунизму со стороны примкнувших к партии в первые годы революции элементов главным образом интеллигентских и идеалистических, которые первые увидели, что их надежды на построение какого-то лучшего общества оказались иллюзиями, что их надежды на то, что революция делается для какого-то общего блага, совершенно не оправдались, и что происходит образование какого-то нового бюрократического класса, который присваивает себе все выгоды от революции, сводя рабочих и крестьян, для которых будто бы делалась революция, в положение бесправных и нищих рабов. Так сказать «за что боролись?».

Реакция эта не нашла ни лидеров, ни нужных формулировок, и была выражена лишь в массовом протесте и массовых голосованиях против ЦК. Троцкий быстро разгадал правую сущность оппозиции. Но тут его положение стало очень трудным. Если бы он был беспринципным оппортунистом, став во главе оппозиции и приняв ее правый курс, он, как скоро выяснилось, имел все шансы на завоевание большинства в партии и на победу. Но это означало курс вправо, термидор, ликвидацию коммунизма. Троцкий был фанатичный и стопроцентный коммунист. На этот путь он стать не мог. Но и открыто заявить, что он против этой оппозиции, он не мог – он бы потерял свой вес в партии – и у атаковавших его последователей ЦК и у оппозиции, и остался бы изолированным генералом без армии. Он предпочел молчать и сохранять двусмысленность.

Трагедия была в том, что оппозиция, зародившаяся стихийно, не имевшая ни лидеров, ни программ, должна была принять Троцкого, которого ей навязывали как лидера. Это вскоре обеспечило ее быстрое поражение.

Но пока дискуссия и голосования на ячейках шли бурным темпом и все более обращались в поражение ЦК. Троцкий решил попробовать повернуть положение в свою пользу, а заодно дать оппозиции свои лозунги. 8 декабря он прислал в ЦК письмо. Оно было одновременно зачитано на партактиве Краснопресненского района и опубликовано в «Правде» 11 декабря в форме статьи «Новый курс». В ней он обвинял партийную верхушку в бюрократическом перерождении.

В середине декабря ГПУ робко пытается поставить Политбюро в известность о том, что в большей части партийных организаций большинство не на стороне ЦК. Я констатирую, что в огромной ячейке самого ЦК большинство голосует против ЦК. Я запрашиваю секретаря Московского комитета партии Зеленского о результатах голосований в Московской организации. Я получаю паническую сводку – ЦК потерял большинство в столичной организации, наиболее важной в стране; по ней равняются провинциальные организации.

На заседании тройки (утверждение повестки) я докладываю рапорт Зеленского. Для тройки это неожиданный удар.

Конечно, вопросу придаётся первостепенное значение. Зиновьев произносит длинную речь. Это – явная попытка нащупать и сформулировать общую линию политической стратегии по схемам Ленина. Но он хочет дать и свое – он хочет оправдать свою позицию политического лидера; он говорит о «философии эпохи», об общих стремлениях (которые он находит в общих желаниях равенства и т. д.). Потом берет слово Каменев. Он обращает внимание на то, что политические процессы в стране могут быть выражены только через партию; обнаруживая немалый политический нюх, он подозревает, что оппозиция – правая; переходя на ленинско-марксистский жаргон, он говорит, что эта оппозиция отражает силу возрождающихся враждебных коммунизму классов – зажиточного крестьянина, частника и интеллигенции; надо вернуться в ленинской постановке вопроса о смычке рабочего класса и крестьянства.

Пока речи идут на этих высотах, Сталин молчит и сосет свою трубку. Собственно говоря, его мнение Зиновьеву и Каменеву не интересно – они убеждены, что в вопросах политической стратегии мнение Сталина интереса вообще не представляет. Но Каменев человек очень вежливый и тактичный. Поэтому он говорит: «А вы, товарищ Сталин, что вы думаете по этому вопросу?» – «А, – говорит товарищ Сталин, – по какому именно вопросу?» (Действительно, вопросов было поднято много). Каменев, стараясь снизить до уровня Сталина, говорит: «А вот по вопросу, как завоевать большинство в партии». – «Знаете, товарищи, – говорит Сталин, – что я думаю по этому поводу: я считаю, что совершенно неважно, кто и как будет в партии голосовать; но вот что чрезвычайно важно, это – кто и как будет считать голоса». Даже Каменев, который уже должен знать Сталина, выразительно откашливается.

На следующий день Сталин вызывает к себе в кабинет Назаретяна и долго с ним совещается. Назаретян выходит из кабинета довольно кислый. Но он человек послушный. В тот же день постановлением оргбюро он назначен заведующим партийным отделом «Правды» и приступает к работе.

В «Правду» поступают отчеты о собраниях партийных организаций и результаты голосований, в особенности по Москве. Работа Назаретяна очень проста. На собрании такой-то ячейки за ЦК голосовало, скажем, 300 человек, против – 600; Назаретян переправляет: за ЦК – 600, против – 300. Так это и печатается в «Правде». И так по всем организациям. Конечно, ячейка, прочтя в «Правде» ложный отчет о результатах ее голосования, протестует, звонит в «Правду», добивается отдела партийной жизни. Назаретян вежливо отвечает, обещает немедленно проверить. По проверке оказывается, «что вы совершенно правы, произошла досадная ошибка, перепутали в типографии; знаете, они очень перегружены; редакция „Правды“ приносит вам свои извинения; будет напечатано исправление». Каждая ячейка полагает, что это единичная ошибка, происшедшая только с ней, и не догадывается, что это происходит по большинству ячеек. Между тем постепенно создается общая картина, что ЦК начинает выигрывать по всей линии. Провинция становится осторожнее и начинает идти за Москвой, то есть за ЦК.

Между тем, на Политбюро разражается буря. Правда, буря в стакане воды.

Дело в том, что Мехлис и Каннер, нуждаясь в помощниках, берут в помощь себе сотрудников с неопределенными функциями (поди, в самом деле, определи функции самого Каннера). Каннеру помогает молодой любезный еврей, партийная кличка которого Бомбин. Он очень мил, его все называют «Бомбик», он хорошо поет арию Лоэнгрина «О, лебедь мой» и тщательно скрывает, что может иметь какие-либо связи с ГПУ (в особенности от меня, так как мои плохие отношения с ГПУ уже в это время всем известны).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.